

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

ПРАВЕДНИК

СВЯТОЕ ДЕЛО

ПРАВЕДНЫЙ ДЕТЕКТИВ -
ВЕРОЙ И СИЛОЙ

Праведник

Михаил Серегин

Святое дело

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Святое дело / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Праведник)

Бизнес и криминал часто идут рука об руку не только в мегаполисах, но и в маленьких уютных городках, вроде Усть-Кудеяра. Но финансовые бонзы с автоматами не знали, кто выйдет с ними на бой, ведь священник Василий в свое время прошел суровую школу спецназа.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Серегин

Святое дело

Часть первая

Эта история началась в тот день, когда отец Василий познакомился с Марией Петровной. Священник как раз вышел во двор своего дома и даже зажмурился от ударившего по глазам ослепительного солнечного света. Густой влажный жар тут же осел у него на лице мелкими капельками пота.

– Мама родная, – пробормотал он. – Ну и пекло!

Прямо перед ним на мощенную бетонной плиткой площадку тяжело приземлилась сорока – клюв распахнут настежь, крылья бессильно опущены вниз. Священник звонко хлопнул в ладоши, но сорока и не подумала пугаться, а лишь осуждающе повела в его сторону круглым черным глазом и враскачку, как заправский моряк, побрела к сараю, в тени.

Это лето в Поволжье выдалось настолько жарким, что даже листва начала осыпаться на истекающий блестящим гудроном, зыбкий, как плавленый сырок, асфальт еще в июле.

Отец Василий осмотрел округу сквозь бойницы прищуренных век и заметил бредущую к нему от дороги толстую тетку в белом. В том, что она идет к дому городского священника, не было никаких сомнений: здесь, в маленьком частном микрорайоне, расположенном на самой окраине Усть-Кудеяра, стояло всего-то восемь коттеджей, из них четыре недостроенных.

Да и к кому еще можно было отважиться идти в такую жару? Все нормальные люди попрятались по домам и, обрызгивая полы и стены, постели и коврики водой, отпаивались холодным кислым квасом. И лишь рано поутру да поздно вечером бедные устькудеярцы отваживались покинуть спасительные стены домов, и то лишь для того, чтобы сходить в булочную. Так что можно было смело утверждать: гостя идет к нему, и по весьма важному делу.

Священник невольно поморщился. Мысль о том, что ему, возможно, придется отпевать покойника где-нибудь в маленькой душной комнатке среди истекающих потом родственников, вызывала страдание. Но делать нечего, если надо, он поедет.

Тетка с явным усилием преодолела последние пятьдесят метров, прошла сквозь распахнутые настежь металлические ворота и подошла к крыльцу. Отец Василий пригляделся и встревожился: на бедной бабе лица не было.

– Что с вами? – Придерживая полы рясы, он стремительно спустился с крыльца и взял тетку под руку. – Пройдемте в дом...

– Помогите, батюшка, – просипела она. – Сил моих больше нет терпеть...

Священник помог тяжелой тетке подняться по ступенькам, затащил в кондиционированную прохладу прихожей и провел в гостиную.

– Присаживайтесь...

– Батюшка, помогите, – еще раз взмолилась женщина, и отец Василий вдруг понял, что она еще достаточно молода – лет сорок, не больше... Просто была она женщиной из народа – обычной и незамысловатой, как стальной половник, и бесконечно далекой от всех этих новомодных изысков типа шейпинга, лифтинга и, как его?.. Кажется, дриблинга...

– Ну? Что у вас стряслось? – поинтересовался отец Василий.

– Ой, – тяжело вздохнув, покачала женщина головой и вдруг тихонько завывала: – Грех-то какой, господи!

– Оленька! – крикнул священник. – Принеси-ка нам водички!

* * *

Вытянуть из гостьи суть происшедшего несчастья удалось не сразу, тетка вздыхала, крестилась, роняла слезы, опускала глаза в пол и все время норовила залиvistо, по-бабьи завывать. Впрочем, отец Василий знал, что делает, и после нескольких ласковых, успокоительных фраз тетка отошла и как-то внутренне примирилась с необходимостью рассказать все, как на духу, – а иначе зачем переться сюда, да еще по жаре. Но когда священник понял, в чем суть проблемы, он лишь поскреб черную кудлатую бороду: с таким он еще не сталкивался.

Во-первых, двадцатилетний сын Марии Петровны Вова жил во грехе. В смысле, с женщиной. Естественно, как теперь принято, вне брака. Во-вторых, делал он это вопреки воле матери, что и само по себе нехорошо. Но самым необычным было то, что его избраннице не так давно стукнуло сорок пять и была она ровно на пять годков старше его собственной матери.

– Я эту курву предупреждала, – горячилась постепенно пришедшая в себя Мария Петровна, – отвяжись от моего сына, а то я батюшке скажу, он тебе вставит по первое число!

– Вставит? – не сразу понял священник; он уже отвык употреблять подобный лексикон.

– Ну, да! В смысле, вздрючит! – охотно пояснила женщина из народа. – А то охамела совсем! – И надрывно, почти митинговым голосом добавила: – Вот времена пошли! Скоро уже на младенцев кидаться начнут!

Отец Василий крикнул. Пожалуй, он не рискнул бы назвать младенцем половозрелого двадцатилетнего парня.

– Я уж чуть было грех на себя не взяла! – вдруг истово перекрестилась женщина. – Как Вова к ней из дому насовсем ушел, думала подкараулить ее да и поленом по башке! Вы уж сделайте что-нибудь, пожалейте вдову... не доводите до греха!

Женщина снова залилась слезами.

Отец Василий дождался, когда она немного успокоится, обратился к ее смирению перед волей господа, к ее доброму православному сердцу, но вскоре осознал, что все без толку. Бабу как заклинило: или я, или она! Или Вовочка вернется домой, или я ее по башке поленом!

Честно говоря, особой охоты переться по такой жаре бог знает куда, чтобы примирить сына с матерью, у отца Василия не было. Но и отказать он боялся. Священнику уже выходили боком подобные отказы: сегодня ты с прихожанином поговорить не захотел, а назавтра он – покойник – случилось и такое... И ничего уже не изменишь.

Неизвестно, насколько серьезным было ее намерение угостить великовозрастную любовницу своего сына поленом по голове, но рисковать отец Василий не хотел.

– Ладно, дочь, попробую помочь твоему горю, – кивнул он. – Только ты в наш разговор не вмешивайся; я сам хочу с ним поговорить.

– Вот вам крест! – истово перекрестилась женщина. – Я и слова не скажу; сразу домой побегу да на кухне закроюсь!

– Ты где живешь? – Священник встал с дивана, подумав, что вполне можно успеть сходить и переговорить с этим Вовкой до вечерней службы.

– Да здесь недалеко! – поняв, что они пойдут прямо сейчас, обрадовалась прихожанка. – Два квартала за шашлычной!

– А он?

– ...у соседки, – сделав затяжную паузу, выдохнула она. – Вот ведь лярва какая, семь лет интеллигентную из себя строила, лучшей подругой была...

* * *

На солнышке ряса раскалилась в считанные минуты. Отец Василий торжественно нес свое крупное, сильное тело, обливаясь липким соленым потом, вполуха слушал бесконечный возмущенный щебет Марии Петровны, но думал о своем.

Так уж вышло, что вот уже третий год он не только проводил храмовые службы, а был для своих прихожан и третейским судьей, и советчиком, и жилеткой для слез, и вообще, кем только не был! Отец Василий не слышал, чтобы хоть кому-нибудь из его однокашников по семинарии приходилось жить и работать в таком режиме; немного пообвыкшись на новом месте, они все быстренько стали важны и суровы – не подступись! А вот он не сумел; видно, сразу не так себя поставил. А потому не было у него ни выходных, ни проходных, ни даже нормального вечернего отдыха у телевизора... Обязательно находился очередной несчастный, не способный разрешить свою проблему самостоятельно.

Далеко сзади послышалась бодрая поступь, и священник оглянулся: их нагоняли одетые в камуфляжные брюки и полосатые тельники подростки из военно-патриотического союза. Отец Василий невольно улыбнулся и прибавил шаг: если позволить себя обогнать, то потом долго придется глотать поднятую десятками армейских ботинок пыль.

Было время, когда исповедуемая руководителем этой полувоенной молодежной организации Виктором Сергеевичем Бугровым смесь православия с военщиной вышла отцу Василию боком, и пришлось ему отвечать за бугровские грехи, как за свои. Отец Василий тогда его почти ненавидел. Впрочем, он не мог не признать: в последнее время Виктор Сергеевич стал намного безопаснее для окружающих.

Видно, там, на самом верху, произошли какие-то перемены, и теперь стихийный бугровский патриотизм почему-то более не умилял власти, а скорее раздражал. За исключением военкома, разумеется. Тому призывники в Чечню были нужны при любом повороте внутренней политики страны. А значит, нужен был и Бугров. Но вот те, что стоят повыше, нос от Виктора Сергеевича начали воротить.

Как утверждал циник и космополит главврач районной больницы Костя, такая перемена во властных настроениях объяснялась довольно просто. Все кредиты, которые наше правительство могло взять на Западе, угрожая тем, что отсутствие оных обернется коммунизмом или фашизмом, оно уже благополучно взяло и успешно переправило на Сейшельские острова. А поскольку второй раз один и тот же «прикол» не срабатывает, Бугрова, как и всех остальных рассыпанных по России самостийных патриотов, просто-напросто «списали». За полным идейным износом.

Что-то в этом было. По крайней мере, нельзя было не отметить тот факт, что бугровцы давненько уже не покупали новой автотехники, не арендовали помещений и не издавали своей газеты. Так, словно капавший сверху денежный ручеек нежно, но надежно перекрыли.

Но главное, пожалуй, было в другом. Отлежав в областной психиатрической больнице почти три месяца, Бугров вышел оттуда посвежевшим и помолодевшим, и даже его вечно беспокойные, панически бегущие в поисках тайных агентов Моссада и чеченских террористов глаза стали неожиданно спокойны и мудры.

Как говорили соседи, после курса лечения Виктор Сергеевич остепенился. Он совсем перестал заставлять постаревшую до срока жену передвигаться по собственному двору исключительно короткими перебежками. А главное, более не нагружал обожающих его подростков жуткими и путаными рассказами о пронизывающей страну сети заговорщиков и занялся тем, что у него получалось лучше всего – физической и психологической подготовкой местной молодежи к предстоящей им нелегкой службе в рядах Российской армии.

Пацанве это нравилось. Где еще они могли набрать мышечную массу, научиться приемам рукопашного боя и подготовиться к грядущим схваткам с настоящим, отнюдь не условным, противником? Только у Бугрова.

–левой! левой! Раз! Два! Три! – слышался позади бодрый голос Виктора Сергеевича. – Выше ножку, Хохлов!

Они уже вошли на узкую улицу, покрытую горячей, остро пахнущей сухим навозом и угольным шлаком пылью, когда Мария Петровна резко затормозила.

– Вот ее дом, – мстительно усмехнулась она, ткнулась в калитку и, обнаружив, что та закрыта, рассвирепела. – Открывай, шлюха! Нечего от меня прятаться!

За батюшкой она чувствовала себя, как за каменной стеной.

– Так, Мария Петровна... вы мне что обещали? – напомнил отец Василий женщине ее клятвенные заверения в переговорный процесс не вмешиваться.

– Открывай, змея подколотная! – совершенно не слыша его, стукнула в ворота мощным, широким бедром Мария Петровна. – Открывай, дрянь ты эдакая!

Ворота неожиданно легко поддались и со скрипом распахнулись.

– Где ты, тварь?! – помчалась по двору мстительница.

– Рота-а! Стой! Раз! Два! – остановил своих подопечных Виктор Сергеевич и подошел к священнику. – Что случилось, батюшка? Помощь не нужна?

Отец Василий виновато оглянулся. Бугров ничем не мог ему помочь; разве что удержать Марию Петровну от немедленной расправы над своей соседкой. Но той что-то не было видно...

– Команды «вольно» не было! – напомнил загорелым и до чертиков пропыленным пацанам Бугров и тронул священника за плечо. – А что, батюшка, правду говорят, что у вас из-за меня неприятности были? Вы, говорят, даже жаловались на меня...

«Шел бы ты, Виктор Сергеевич, своей дорогой!» – подумал отец Василий. – Нашел время разборки чинить!» Но произнести этого вслух не успел, за воротами раздался дикий, нечеловеческий вопль.

– Йо-пэ-рэ-сэ-тэ! – охнул священник и наперегонки с Бугровым кинулся во двор – спасать соседку от разъяренной Марии Петровны.

Но никакой соседки во дворе не оказалось. А напротив остолбеневшей Марии Петровны стоял, наклонив голову, рослый, трехгодовалый, наверное, бычок. Некоторое время бычок еще разглядывал тихо поскуливающую бабу, а потом повернул голову и решил, что те двое, что торчат в воротах, подходят для его молодецкой забавы куда как лучше. И тогда он наклонил голову и, выставив острые короткие рожки вперед и поднимая тучи мелкой белой пыли, помчался на них.

– Рота! Бегом! – заорал Бугров. – Марш! Всем в укрытие! В укрытие, я сказал!

Они вылетели со двора и, обгоняя друг друга, помчались вслед за прыснувшими вдоль узкой улочки пацанами.

– Всем в укрытие! – громоподобно орал Бугров, но где он здесь видел укрытие, было неясно, вдоль дороги с обеих сторон шли глухие двухметровой высоты заборы.

Бычок мощно, протяжно взревел, и пацаны истошно завопили и наподдали ходу, падая, поднимаясь и снова падая в дорожную пыль. А вслед за ними бежали и так же идиотски орали и они – два взрослых, степенных мужика.

Метров через пятьдесят заборы пошли пониже, и пацанва посыпалась через черные от времени доски в чужие огороды, и тогда Бугров последовал их примеру и, уцепившись руками за забор, подтянулся и сиганул на крышу примыкающего к улочке сарая.

– Давай, батюшка, сюда! – крикнул он.

Священник попытался повторить спортивный подвиг отставного капитана, и в тот самый миг, когда он с горечью осознал, что ему с его солидным весом этого ни за что не проделать,

сзади словно наподдали огромным, шестьдесят второго размера сапогом, что-то ужасно захрустело, и он вмиг оказался на истекающей раскаленным гудроном рубероидной крыше.

– Что, выкусил?! – торжествующе крикнул Бугров и погрозил вниз белым от напряжения кулаком.

Священник скосил глаза. Прямо под ними задумчиво стоял виновник происшествия, и на одном из его небольших, но острых рогов колыбался изрядный кусок черной материи. Отец Василий испуганно ошупал поясницу и понял, что она совершенно голая, и лишь чудом уцелевшие просторные сатиновые трусы защищают его от полного позора. Но крови, слава всевышнему, на тщательно осмотренной ладони не было – значит, не зацепил.

Надрывно, в десятки глоток лаяли донельзя возмущенные нарушением огородного суверенитета дворовые собаки; трещали под камуфлированной пацанвой чужие заборы, но стало ясно: все кончилось. Бычок повернулся к забору боком, с минуту постоял и, ритмично размахивая повисшим на одном из рогов черным пиратским полотном, бодро двинулся назад.

– Во, скотина какая! – восхищенно ругнулся Бугров. – Характер показал и домой!

На улочку высыпали немногочисленные обитатели здешних домишек, но никто чудеса бесстрашия демонстрировать не торопился: что скотину понапрасну пугать? Вон она уже сама во двор заходит...

– Так вы что, батюшка, к Вовчику зайти решили? – Отставной капитан аккуратно спрыгнул с крыши. – Осторожнее, здесь стекло битое.

Похоже, он знал и этот двор, и его хозяев.

– Ага, – кивнул священник и тоже спрыгнул вниз. – Мария Петровна попросила.

Бугров как-то сразу помрачнел.

– А-а... вы поэтому...

– А что? – насторожился отец Василий. – Что-нибудь не так?

– Да нет, все так, – печально признал Бугров. – И баба у него на двадцать пять лет старше, и мать, конечно, этим недовольна, но только... – он сглотнул. – Не трогали бы вы парнишку.

– Почему? – удивился священник.

– Пусть живет пацан, как умеет. Да вы и сами все увидите, – отмахнулся Бугров и повернулся к своим подопечным. – Рота! Стройся!

Мальчишки кинулись в центр улицы, на ходу отряхивая пыль с камуфляжных брюк и с гоготом вспоминая, кто, как и куда сиганул, и Бугров решительно отошел от священника и целиком переключился на них.

– Отставить смефуечки! Хохлов! Тебе что, два раза повторять?!

Отец Василий пожал плечами, развернулся и пошел назад, к открытым настежь воротам соседки Марии Петровны. Судя по гомону, доносящемуся оттуда, хозяйка дома уже объявилась и теперь выясняет отношения с матерью Вовки. Или Вовчика, как назвал его Бугров.

* * *

Так оно и было на самом деле. Когда священник подошел, бычка уже загнали в сарай, а женщины стояли одна напротив другой руки в боки. Отец Василий тщательно замотал оборванными полами рясы свои тылы и поймал настороженный взгляд довольно молодежавой, несмотря на свой изрядный возраст, хозяйки.

– Володя на заднем дворе, – внезапно прекратив орать, спокойно сказала она и снова повернулась к своей бывшей лучшей подруге – продолжать.

Священник прошел на задний двор и почти сразу же увидел его. Молодой парень сидел на березовой чурке и курил сигарету без фильтра.

– Здравствуй, Володя, – шагнул вперед отец Василий.

– Здравствуйте, – приподнялся, опершись о стену, парень, и по тому, как деревянно, одним махом качнулась вперед его нога, священник сразу понял: ноги там и нет – протез.

– Где это тебя? – нахмурился отец Василий.

– Чечня, – коротко ответил Вовчик и посмотрел на попа своими светло-голубыми, словно выцветшими на беспощадном южном солнце глазами.

«Не трогайте вы его, – пронеслись в голове священника слова Бугрова. – Пусть живет пацан, как умеет...» Он вдруг вспомнил что-то свое, казалось, давным-давно позабытое: оседланные пехотой «коробочки», слепящее горное солнце, подорвавшийся на «итальянке» Васек – от него мало что осталось, по кускам собирали... В глотке у священника сразу пересохло.

– Ладно, братуха, – хрипло выдохнул он. – Если надумаешь, заходи; я здесь недалеко живу, у оврага. Найдешь?

– Найду, – кивнул Вовчик.

Они пожали друг другу руки, отец Василий вернулся во двор и, подойдя к Марии Петровне, положил ей руку на плечо. Только что извергавшая потоки грязных ругательств прихожанка испуганно смолкла.

– На исповеди давно была? – тихо поинтересовался священник.

Мария Петровна отчаянно заморгала глазами, но вспомнить, когда в последний раз ходила на исповедь, так и не смогла. И тогда отец Василий сокрушенно покачал головой и, подняв с земли сброшенный бычком кусок своей рясы, вышел со двора вон.

* * *

Усть-Кудеяр не был классическим гарнизонным городком – ближайший полк внутренних войск находился довольно далеко. И слава богу. Пара тысяч молодых и в силу возраста не слишком морально устойчивых парней ни для какого городка не подарок. И тем не менее армейское влияние здесь ощущалось достаточно сильно. Крепкие, не избалованные знанием законов и чрезмерным образованием местные парни в армию шли охотно, и мелкая пацанва всегда с острой завистью смотрела на возвращающихся домой старших братьев. Как говорил отцу Василию главный врач районной больницы Костя, облвоенком на здешних парней нарадоваться не мог, поскольку все, что не добирал в областном центре, с лихвой покрывал Усть-Кудеяр.

Разумеется, тому были причины. В пыльном, заштатном райцентре и в прежние времена делать было нечего – ни приличной работы, ни развлечений. А теперь, когда все безработное и безденежное мужское население целыми днями пропадало на Волге, дабы не слышать заслуженных упреков лучшей половины человечества, армия и впрямь была приключением. По крайней мере, по сравнению с Усть-Кудеяром.

А потому к каждому призыву вышеговоренное мужское население готовилось всерьез и загодя. Поспевал самогон, привозилась от сельской родни свинина, а в Татарской слободе молодая баранина, и довольно долго, месяца два, все были при деле, потому как готовили своих сыновей к самому важному, к самому яркому событию в их жизни.

А потом начинались проводы, которые плавно перетекали во встречу очередной партии дембелей, и снова ни самогон, ни свинина лишними не были. Особенно если учесть, что весь частный сектор, а это половина города, издревле гулял «копаем», то есть всем районом.

Отец Василий и сам прошел через все это. Подростком слушал рассказы дембелей о том, как они давили духов, затем ушел в Афганистан сам, потом служил сверхсрочную, но, так вышло, вернулся домой уже другим, внутренне переродившимся человеком. И только Усть-Кудеяр, по большому счету, остался все тем же. Так же уходили служить и возвращались парни, и те же рассказы слушали подростки; разве что менялись регионы службы, презрительные

клички для очередного противника, да сама война все ближе подступала к дому – методично и безостановочно: Афганистан, Таджикистан, Карабах, Абхазия, Приднестровье, Чечня...

Понятно, что не везде шли реальные боевые действия, но вот мальчишки отовсюду возвращались одинаковыми – загорелыми, молчаливыми и абсолютно неадекватными сонному и мирному, глубоко пофигистскому настроению родного городка. И вот здесь за пацанами нужен был глаз да глаз.

Конечно, у православной церкви уже накопился изрядный исторический опыт воодушевления воинов на святое дело по защите рубежей Отечества. И, казалось бы, никаких особых духовных проблем у юных воинов и возникнуть не должно. Да вот только эти, новые, похоже, не до конца осознавали, что воевали за Отечество. И даже тосты их, и в семье, и на мальчишниках, были просты и, как на подбор, безыдейны: «За верных друзей» да «За преданных женщин». Так, словно они рисковали своими жизнями и отбирали чужие только для того, чтобы испытать своих не так чтобы слишком преданных женщин и таких же зеленых, как и они сами, друзей на прочность.

И почти все они, увы, несли на себе недоступную пропитому обывательскому взгляду каинову печать братоубийства. Нет, эти ребята не были совсем уж потерянными для бога людьми, но печать была – священник ощущал эти исходящие от них тоску и неосознанное предчувствие грядущей преисподней почти физически.

За все три года служения господу отец Василий помнил только четверых дембелей, сумевших встать к исповеди с первой попытки. Еще несколько человек бродили вокруг да около больше месяца, страшась взыскующего Иисусова взора, пока не отважились принести свое покаяние. Но девять из десяти обходили храм божий стороной и предпочитали топить совесть в самогоне и блудодействе.

И теперь все чаще священник приходил к мысли, что ему следует отринуть свою гордыню и почти органическое неприятие бугровских «военно-патриотических игр». И что давно пора начать активно сотрудничать с патриотами, как бы дурно от их лозунгов ни пахло, и воспитывать пацанву вместе. Потому что начинать спасать человека для жизни вечной следует намного раньше того, как он возьмет в руки автомат.

«Завтра же пойду к Виктору Сергеевичу мириться!» – решил отец Василий и ускорил шаг – до времени службы оставалось всего ничего, а ему еще следовало принять душ и сменить рваную рясу на новую.

* * *

Когда он, омерзительно липкий от пота и распаренный до изнеможения, зашел в дом, Ольга кормила маленького Мишаньку. Священнику страстно хотелось одного: нырнуть под относительно прохладные струи душа, но удержаться от того, чтобы еще раз глянуть на подрастающего сынишку, он не мог.

– Как наши дела? – склонился отец Василий над попадьей и потрепал малыша за упругую розовую щечку. Парень засмеялся.

– Наши-то дела хорошо, – ответила вместо сына Ольга. – Кушаем да спим. А вот с чего это вы, Михаил Иванович, – назвала его жена мирским именем, – такой помятый?

– Правда? – удивился священник, подошел к зеркалу, повертел головой из стороны в сторону и вдруг заметил, что так и держит в руке оторванный бычком кусок черной материи. – Пришьешь?

Ольга оторвала взгляд от сына и охнула. Теперь, когда батюшка повернулся к зеркалу, непристойная, от самого пояса прореха стала видна во всей красе.

– Кто это вас так?!

– А-а! – досадливо отмахнулся отец Василий. – Один бычок местный; в общем, тварь неразумная. Видно, привязать забыли.

Попадья осуждающе покачала головой и вздохнула. К тому, что батюшка нет-нет да и страдает от дворовых собак, она уже привыкла. Когда по долгу службы еженедельно обходишь до полусотни домов, это становится почти профессиональным риском. Но чтобы напороться на быка? Такого еще не было.

– Он что, заместо собаки двор охранял? – со снисходительной улыбкой поинтересовалась Ольга.

– Да вроде того. – Священник с усилием стянул с пропотевшего тела рясу и отправился в душевую.

Трудно сказать почему, но животные мужского пола атаковали его особенно часто. Священник на несколько секунд задумался и признал, что суки, например, его не кусали, а, напротив, довольно быстро начинали проявлять дружелюбие и стремление установить прочные и как можно более близкие, естественно, чисто товарищеские отношения. А вот от кобелей доставалось, и не раз.

Случались конфликты и с петухами. Пару дней назад, например, налетел на него один огненно-рыжий, видно, почему-то решил, что священник пришел исключительно для того, чтобы посягнуть на его любимый разномастный гарем. Все правильно, а ради чего еще кто-то поперется в такую жару через весь город? А теперь еще и этот бык...

Отец Василий неторопливо ополоснулся, выключил воду, тщательно обтерся, вышел, но, глянув на часы, охнул: до вечерни оставалось всего ничего.

* * *

Храм был почти пуст. Священник привычно отчитал предначитательный псалом, кафизму, и немногие пришедшие на службу, самые преданные господу маленькие, сухонькие старушки истово крестились и кланялись в пояс. Отец Василий знал, пройдет еще совсем немного времени, и всех их призовет господь, и тогда ни одна служба, ни одна искренняя молитва, ни одно доброе слово не будет лишним. Ибо ничто так не приближает человека к небесам, как смирение, прощение и любовь, и ничто так не тащит вниз, в самое пекло, как ненависть и гордыня.

Священник неторопливо, с глубоким и сильным чувством исполненного долга завершил вечерню, коротко переговорил с диаконом и подошедшей к руке прихожанкой и вышел во двор. Яростное, беспощадное солнце уже опустилось за крыши пятиэтажек, и хотя жара еще не спала, а из темных подворотен всюду несло запахом старых тряпок, брожения и тлена, стало полегче.

Мимо храма прошла бодро щебечущая стайка девчонок; за ними, деловито сунув руки в карманы, пробрели шанхайские пацаны – молодежь дружно, всем Усть-Кудеяром покидала пыльный, почти безжизненный городок и шла на Волгу купаться.

«А не смотаться ли и мне на рыбалку?» – только подумал отец Василий, как тут же увидел входящего в храмовые ворота главврача районной больницы Костю.

– Привет, Мишаня! – назвав священника мирским именем, помахал ему Костя. – А я на острова собрался. Поедешь со мной?

Отец Василий засмеялся, совпадение мыслей оказалось идеальным.

– Надо Ольгу предупредить. – Он подошел к храмовым воротам и пожал протянутую руку.

– Нет проблем, я на машине, – мотнул головой Костя в сторону своего служебного «рафика».

Мимо пронесся кортеж иномарок, обдав их раскаленным облаком выхлопных газов и пыли, и Костя матюгнулся.

– Молодняк хренов! Оборзели сынки совсем!

Священник пожал плечами. Он не считал юную, динамичную, жизнеспособную и в силу этого порой наступающую на пятки поросль чем-то невыносимым. Они в свое время тоже доставили своим родителям хлопот.

– Ты плечами-то не жми, – осуждающе покачал головой Костя. – Это и тебя касается, не только меня...

– А что такое? – Священника заинтересовала столь нервная реакция привычного ко всему главврача районной больницы.

Костя приглашающим жестом указал на свой белый «рафик» и, пропустив священника вперед, забрался внутрь.

– Ко мне недавно трое таких отроков поступило, – пояснил он. – С отравлением. Ну-ка угадай, чем они занимались.

– Откуда мне знать? – не стал поддерживать эту игру в «угадайку» отец Василий.

– С Перуном захотели напрямую пообщаться. Какой-то дряни нажрались до одурения, потом групповуху устроили, а как до заклинаний дело дошло, тут им и поплохело.

Священника пробил холодный пот. Этого он боялся больше всего. Духовно неустойчивый молодняк, начитавшись переводной литературы, все чаще пытался преодолеть барьер, отделяющий привычный человеческий мир от его иных, не предназначенных для прямого лицезрения слоев. И неважно, с кем они хотели пообщаться – с Перуном, Сварогом или каким-нибудь Уицли-Почтли, итог был предопределен – все попадали под прямое влияние бесов. С вполне предсказуемым исходом.

– Наши, усть-кудеярские? – глотнул он пересохшим горлом.

– Ага, – кивнул главврач. – Шанхайские ребята. Я, понятное дело, Скобцову доложил, – назвал он фамилию главного мента города, – но тому как об стенку горох! Своих, говорит, проблем хватает, не то чтобы этой шпаной заниматься...

– Так это же самое главное! – охнул православный священник. – Это ж прямая весточка от сатаны!

– Ну, знаешь ли, эту твою, с позволения сказать, «весточку» к делу не пришьешь... – неожиданно холодным тоном произнес Костя. – А вот за хранение и употребление наркотиков можно было и впаять.

Отец Василий сник. «Впаять» срок не было выходом – это он понимал, но, похоже, у властных структур просто не было иных инструментов влияния. Это он тоже видел.

– Ладно, Мишаня, не горюй! – бодрячески хлопнул священника по плечу друг. – Не все так плохо. Вот кончится лето, и народ снова в твой храм потянется. А то ты прикинь, каково по такой жаре через весь город переться! Да еще потом внутри в духоте стоять... Зимой нечистого за глотку и возьмешь; аккурат на Крещение – самое милое время.

– Его человеческими руками не одолеешь, – покачал головой отец Василий. – И уголовным кодексом к стенке не припрешь. Его надо в собственном сердце побеждать.

Костя насупился. Он не верил ни в бога, ни в черта и страшно не любил, когда его школьный товарищ начинал говорить этим своим высокопарным слогом о непостижимых для прагматичного медицинского ума теософских материях.

* * *

Они заехали к отцу Василию домой, и священник наскоро перекусил, переделся в просторный рыбацкий костюм, прихватил снасти, «тормозок» с бутербродами, высокий китайский

термос и, расцеловав жену и сына в аппетитные щечки, помчался за ворота, где его ждал в раскаленном салоне служебной машины изнемогающий от жары и нетерпения Костя.

Водитель газанул, и белый «рафик» с красной полосой и надписью «Скорая помощь» по борту рванул с места и помчался к старому причалу, где обоих рыбаков поджидал старый, как советская власть, и коричневый от загара, как студент университета им. Патриса Лулумбы, лодочник Петька.

Петька сразу покрыл их веселым дружественным матом, помог затащить и разместить в лодке вещмешки со снастями и с гагаринским простодушием взмахнул рукой.

– Ну что, мужики, поехали!

И лодка взревела мотором, лихо рванула с места и, пуская вдоль борта широкую, пологую волну, помчалась вперед.

– Ты меня, засранца, извини! – пытаюсь перекричать рев двигателя, орал в ухо священнику главврач. – Я бываю резок, но ты и сам понимаешь, я должен быть объективен. Иначе какой я, к растакой матери, врач!

Отец Василий улыбнулся. Он не умел ссориться с Костей. Так уж получилось, что пьющий, разведенный, глубоко атеистически настроенный главврач был его лучшим другом, даже, пожалуй, единственным настоящим другом в городе. Он запросто мог сказать какую-нибудь гадость, но не со зла, а из-за этого своего профессионального медицинского цинизма, из-за этой защитной «корки», наросшей на душе за долгие годы общения с человеческой болью.

* * *

Они миновали остров Песчаный с элитными коттеджами базы отдыха на берегу, затем еще несколько мелких островов, но совершенно свободного от веселых да моторных лодок места так и не нашли. Создавалось впечатление, что весь Усть-Кудеяр покинул душные малогабаритные квартиры, заправил двигатели своих моторок купленным у солдат за треть цены бензином и выбрался на природу.

– Хрен с ним, Петька! – крикнул главврач. – Давай здесь! – И ткнул пальцем в узкую песчаную полосу вдоль покрытого зарослями ивняка острова.

Петя поднял выгоревшую добела бровь и кивнул. Моторка развернулась, и через несколько секунд лодочник вырубил двигатель и позволил своей «ласточке» пройти оставшиеся полтора десятка метров по инерции и несильно ткнуться в берег.

– Часам к трем заберешь, – распорядился Костя, прыгнул в воду и принял из рук священника свой вещмешок со снастями, провизией и, разумеется, чистейшим медицинским спиртом.

– И мой держи, – сунул ему Василий свой мешок, но Костя и глазом не повел.

– Не маленький, – пробурчал он. – Сам понесешь, – и не выдержал, рассмеялся.

Они оба уже приходили в то легкое, безалаберное состояние души, когда всего хочется, почти все можно и нет нужды удерживать в себе ни слова, ни мысли. Потому как, что бы ты ни сказал, тебя поймут и не осудят.

Они скинули вещи на узкую песчаную полосу и, дружно навалившись, оттолкнули моторку от берега. Петя дождал, пока лодка минует зону камыша, и, даже не глянув на оставленных на берегу пассажиров, завел мотор и в считанные секунды скрылся за краем острова.

Священник стоял босыми ногами в ласковой и теплой волжской воде и чувствовал, как упругими толчками омывает их поднятая моторкой волна, отчего мелкий песок под ступнями проседает и уходит в стороны. Солнце как раз только-только опустилось за линию горизонта, и волжская вода как-то сразу стала светлее неба.

– Ну что, иди место для костра выбирай, – улыбнулся ему главврач. – А я пока снасти вытащу да напитки в воду поставлю.

Священник хмыкнул и покачал головой. Пытаться остудить «напитки» в летней, насквозь прогретой солнцем речной воде? Это было что-то новенькое. Разве что забросить их на глубину с риском не вытащить обратно... Он закинул вещмешок на плечо, прикрыл поросшее бородой лицо ладонью и двинулся сквозь хлесткий ивняк. Эти мелкие островки редко бывали сплошь покрыты зарослями – обязательно да найдется чистая песчаная проплешина. Там и костерок из топляка удобнее всего сварганить, и спальники постелить... Нет, он не думал, что они будут спать хоть минуту, но если уж они взялись отдыхать, то следовало это проделать с полным комфортом.

Впереди послышался невнятный шум. Отец Василий раздвинул гибкие прутья ивняка и непонимающе тряхнул головой. Прямо перед ним, на просторном песчаном пляже, сидело вокруг около сотни человек. Обнаженные по пояс нетрезвые парни в обнимку с такими же полураздетыми и тоже нетрезвыми девицами тянули пиво из высоких пластиковых бутылок, лениво и насмешливо подбадривая сцепившуюся в центре поляны и кружащуюся в странном танце пару.

Священник проморгался и по цветастым дамским купальникам понял, что «танцуют» девушки, и вообще это не танец, а самый натуральный бой! Кисти каждой из них защищали маленькие алые перчатки. А судя по набухшим губам, там, во рту, зубы охватывали настоящие пластиковые капы.

Пара внезапно распалась, и полная, довольно рослая девица крутнула головой, отчего ее пышные каштановые волосы описали вокруг плеч плавный полукруг, и, поджав губы, угрожающе прорычала что-то невнятное и решительно двинулась вперед. Ее мелкокостная и почему-то бритая наголо противница отступила на пару шагов назад и прижала руки к телу, защищая лицо и плоский живот.

– Дави ее, Верка! – всколыхнулась, как море в шторм, и в едином порыве заорала толпа болельщиков. – Дави ее!

Раздался протяжный разбойничий посвист.

– Дави ее!

Рослая девица, видимо, та самая Верка, жеманно, по-девичьи размахнулась и, тряхнув необъятной грудью, страшно заорала и залепила своей бритой противнице перчаткой в ухо, но тут же нарвалась на встречный удар в печень, и обе девчонки с воплями и стонами покатались по песку.

– Мама родная! – охнул священник. До сего дня он ничего подобного в заштатном, сонном, глубоко провинциальном Усть-Кудеяре не видел. – Они что, совсем охренели?!

– Дави ее! – неизвестно кому орали болельщики. – Мочи!

Верка встала на четвереньки и, качаясь, рухнула на противницу сверху, видимо, пытаясь решить исход поединка массой. Но бритая в последний момент каким-то чудом вывернулась, едва не оставив во вражеских руках узенькие голубые плавки, выползла из-под огромной по сравнению с ней туши и, развернувшись, изо всех сил саданула врагиню пяткой в лицо.

– Йо-пэ-рэ-сэ-тэ! – недоуменно выдохнул священник и понял, что в унисон с ним выдохнула и азартно гудящая толпа. Женский бокс заводил их похлеще пива.

Верка охнула и, поднимая тучи пыли, покатила по песку. И тогда бритая вскочила, метнулась к своей необъятной противнице, сорвала с нее верхнюю часть купальника, обнажив большие, но красивые, на удивление правильной формы груди, и, перекинув купальную принадлежность вокруг шеи толстой Верки, принялась ее душить. Верка попыталась уйти от удущения, вздымая и царапая песок перчатками и проскальзывая крупными красивыми ногами, но бритая вцепилась в нее, как ласка в крупного жирного кролика, и ни стряхнуть, ни достать себя ударом не давала. Верка дернулась еще раз, еще раз и еще, и вдруг начала обмякать.

– Господи, спаси и помилуй! – размашисто перекрестился отец Василий и решительно шагнул из кустов. Позволить, чтобы так издевались над живым человеком, он не мог.

Стремительно промчавшись в центр круга, он легонько шлепнул душительницу по костлявому заду, отчего та, кувыркнувшись через голову, рухнула на песок и, естественно, выпустила «орудие удушения» из рук. Отец Василий поднял купальник и сунул его в руки надрывно кашляющей девушки.

– На, прикройся...

– Ты чего наделал, козел? – ненавидяще глянула на него крупная, красивая Верка, но купальник взяла.

– Как это чего? – удивился священник. – Она же тебя чуть не задавила! Дура эдакая!

– Эй! Мужик! А ну, в сторону! – проорали ему сбоку. – В сторону, тебе сказали!

– Сам ты дурак! – покачала головой Верка и, нацепив купальник на плечи, тяжело поднялась. Ее еще немного шатало. – Кто мне теперь победу зачтет?

– Эй, мужик! – подошел к нему высокий, загорелый и, как большинство из них, раздетый по пояс парень. – Тебе чего, в хайло въехать?!

Он попытался ухватить отца Василия за плечо, но тот легко перехватил кисть наглеца и легонько повернул ее на излом. Парень охнул и безропотно рухнул на колени.

– Короче, Верка! Ты попала! – весело заорали сбоку. – Будешь отрабатывать!

«Круг» удовлетворенно загудел, словно предчувствуя новую потеху.

– Отпусти, гад! – простонал парень, и отец Василий выпустил кисть и легонько толкнул поверженного на колени наглеца ладонью в лоб. Тот кувыркнулся и рухнул спиной на песок.

Отец Василий осуждающе качнул головой, и только сейчас до него дошло, что никакого отдыха у них с Костей теперь не будет, а оставить эту странную компанию в покое и перебраться на соседний островок может уже не получиться. Потому что и справа и слева к нему все ближе подступали молодые, крепкие как на подбор парни.

– Чего тебе надо, мужик?! – зло толкнули его в спину.

– Самый крутой, да?! – издевательски поинтересовались у него справа.

– Ты зачем Верку подставил?! – порывался кто-то свести с ним счеты.

Священник по мере возможности отмахивался, но напор на него возрастал, и он чувствовал: еще немного, и эти парни просто отключат в себе самоконтроль. И куда их всех тогда вынесет, один господь знает... Он не вполне понимал, что здесь происходит, хотя ясно видел, что «влез в чужой огород», чем хозяева «огорода» весьма недовольны.

– Вы что, ребята? – пытался он пробудить в них элементарную человеческую логику. – Вы головой-то подумайте! Она же ее задушить могла... Вы что?..

Но ничего не выходило – претензии к нему высказывались со все возрастающей агрессией, а толчки раз от разу становились все сильнее.

– Пацаны! – заорали от реки. – Давай сюда! Стукача нашли! В ментовку, сука, звонить хотел!

Священник дернулся и, пробивая себе дорогу массой, ломанулся к берегу – это мог быть лишь Костя. Его пытались ударить, как-то задержать, но теперь отец Василий знал, что надо делать – спасти товарища, а потому был неуправим. «Блин! – думал он на бегу. – Ребятишки-то, поди, не местные: ни меня, ни Костю не опознали! Наверное, софиевские!»

– Сюда, пацаны! – задорно проорали от реки. – Тащи стукачка на разборки! Ах ты гад!

Послышался звук затрещины и почти сразу же жуткий хруст переломанного пополам средства мобильной связи. Или чьей-то челюсти? Священник прибавил ходу, но ему поставили подножку, а затем, когда он рухнул оземь, навалились сверху и вжали взмокшим от напряжения лицом в теплый песок.

Поначалу отец Василий отчаянно сопротивлялся и даже сумел привстать и стряхнуть с себя пять или шесть человек, но затем, когда понял, что его тащат туда же, куда и Костю, в центр поляны, смирился и позволил всему идти так, как идет.

– Тихо! – прогремел над поляной мощный баритон. – Разговорчики!

Шум и гам тут же стих.

– Та-ак... что тут у нас?

Поставленный и удерживаемый на коленях, отец Василий поднял голову. Над ним возвышался крупный и даже, можно сказать, дородный мужчина. В стремительно навалившейся после захода солнца темноте разглядеть его детальнее было невозможно.

– Свет! – властно распорядился мужчина, и где-то рядом в абсолютной тишине шелкнула зажигалка. Запахло солярой, и к облепленному песком лицу священника поднесли факел.

– Так это же наш поп?! – удивленно проговорил мужчина.

– Слава всевышнему, догадались, – покачал головой священник, решительно стряхнул с себя чужие руки и встал. – Вы чего это, ребята, здесь беспредельничаете?

Факел отнесли в сторонку, и отец Василий смог разглядеть командовавшего всем, что здесь происходит, мужчину.

– Никакого беспредела, – покачал головой тот. – У нас все мазево. А вот почему это вы сюда заявились? Я вас не приглашал.

– На рыбалку мы приехали, – срывающимся голосом вставил свое слово главврач.

Толпа возбужденно загудела.

– Стукач хренов! На рыбалку он приехал! Ага! А кто в ментовку звонил?!

– Ну и звонил! – поднял голос Костя. – А чего мне делать? Смотреть, как вы батюшку с пьяных глаз месите?!

– Врежь ему, Санек! – посоветовали откуда-то сбоку, но главный поднял руку, и толпа снова стихла.

– Кто такой? – царственно поинтересовался главный.

– А ты, Бачурин, глаза разуй, – зло порекомендовал Костя. – Или забыл уже, с чем в больничке у меня лежал?

Вокруг наступила мертвая тишина. Предводитель взял из рук своего помощника факел и подошел к главному врачу районной больницы.

– Константин Иванович? – оторопело произнес он. – А чего это вы тут делаете?

– Я сказал уже, на рыбалку мы приехали! – раздраженным голосом невинно пострадавшего, но уже начавшего одерживать победу человека произнес главврач. – А вы тут, понимаешь, беспредельничаете.

– Никакого беспредела, – покачал головой Бачурин. – У нас все по правилам.

– По каким таким правилам? – раздраженно поинтересовался главврач. – Батюшку по мордасам мутузить, это, по-вашему, правила?

– Отец Василий сам виноват, – не признал своей неправоты Бачурин. – Нечего было в чужие дела соваться.

«Аудитория» напряженно внимала. «Бачурин... интересно... – думал священник. – Раз Костя его знает, значит, местный, хотя... могли и из района в больницу доставить...»

– А чем это вы тут занимаетесь, что к вам и сунуться нельзя? – спросил священник и, предупреждая ответ, добавил: – Ну что девку чуть не задушили, это я видел. Так это перед господом тягчайший грех! Я уж не говорю, что статья за это «светит».

– Никто бы ее не задушил, – устало махнул рукой Бачурин. – Вон, она вам и сама скажет...

– Да чего ты с ними церемонишься, Бача?! – пьяно крикнули из толпы. – Навешать обоим по роже и всего делов!

– Ша! – властным жестом остановил нежелательное вмешательство предводитель. – Я тебе ставки делать не мешал, и ты мне не мешай.

– Ставки? – Поп и врач переглянулись. – Вы что, ставки на них делали?

– А что, нельзя? – усмехнулся Бачурин. – Тогда, может быть, сразу побежите в налоговую стучать? Давайте, я не держу.

Он повернулся к своим.

– Так. Попа и Константина Ивановича в лодку и домой. А ты, Верка, вперед – отрабатывать!

– Я не виновата, Бача! – заныла пышнотелая красавица. – Ты же видел, мне поп помешал...

– Брось, Верка! – весело загоготали в толпе. – Все видели, что ты уже пузыри пускала! При чем здесь поп?! Ты сама подписалась! Никто за язык не тянул!

– Ну, ребята... – жалобно заканючила Верка. – Мне просто деньги были нужны...

– Всем бабки нужны! – агрессивно отреагировала дамская половина. – Продула? Ну и вперед, пацанов обслуживать!

Отец Василий почувствовал, как к его лицу начала толчками приливать кровь. Ничего себе, молодежь развлекается! Такого паскудства в Усть-Кудеяре никогда не было, даже среди шанхайских.

Он шагнул к Бачурину и жестко взял его за плечо.

– Я вам не позволю.

– А чего ты меня лапаешь, поп? – усмехнулся Бача. – Я тебе что, девка? Вон, Верку лапай...

– Ты за все это ответишь, – с угрозой произнес отец Василий.

– Никому я не отвечу, – усмехнулся Бача. – Я ставок не принимал и тем более не ставил; мне эта Верка вообще по барабану. Как она там с пацанами договаривалась? Меня это не касается. Так, Верка?!

– Да, – опустила волоокие глаза вниз пышнотелая красавица.

– Ну и вперед! – подвел итог Бачурин и требовательно огляделся по сторонам. – Свет! Почему мало света?!

В воздухе повис тугой, маслянистый запах соляры, и со всех концов поляны вспыхнули факелы из намотанного на толстые сучковатые ветки пропитанного горючим тряпья.

– Пойдем отсюда, Мишаня, – тронул священника за рукав Костя. – Нам здесь делать нечего. Пусть сами разбираются.

– Ну уж нет, – возмущенно тряхнул кудлатой бородой священник. – Это мой город, и я не позволю всяким вахлакам здесь пакостить!

Он решительно шагнул вперед и ухватил парня, ведущего Верку за руку в центр поляны, за тонкую шею. Тот захрипел и задергался, но ни выскользнуть, ни вдохнуть не мог. Второй рукой отец Василий легко и методично отбивал атаки подскочивших на подмогу парней.

– Отпустите его, – внезапно попросила священника Верка. – Мне так и так отрабатывать.

– Сколько? – сквозь сжатые зубы поинтересовался священник.

– «Штука» баксов. Такие ставки. Деньги-то я уже потратила...

Священник приостановился и, почти автоматически повалив очередного наглеца в песок, задумался. Долг – это серьезно. Долги надо отрабатывать – ничего не попишешь. Но таким образом?

– А за что деньги взяла? – спросил он и, выпустив-таки почти задохшегося пацана, с возмущением отбил еще одно нападение.

– За бой, – виновато опустила глаза Верка. – Здесь такое правило: каждому по «штуке». Но если проиграл...

– Так! – возвысил голос отец Василий, и агрессоры оторопели – такого мощного баса они давно не слышали. – Верка вам должна?

– Должна, – подтвердили из толпы.

– Я за нее отвечу.

– «Штуку» баксов положишь? – издевательски поинтересовался освещенный желтым факельным светом мелкий, щуплый паренек.

– Или пацанов обслужишь?! – загоготала дамская половина.

– Не дождетесь! – отвел подозрение в склонности к мотовству и педерастии отец Василий. – Драться буду.

Толпа притихла.

– Ты чего, Мишаня, совсем офигел? – потянул друга за рукав главврач. – Что люди скажут, если узнают?..

Священник озабоченно крикнул. Костя был прав, не дело православному священнику в этих языческих оргиях участвовать, но и бросить Верку вот так он не мог. Тем более что и сам был отчасти повинен в ее беде. Как знать, может, и выиграла бы деваха...

Он деловито скинул легкую камуфляжную курточку, стащил через голову ослепительно белеющую в темноте футболку и обнажил свой крупный, несколько обрюзгший торс. Ткнул кулаком в ладонь и, с удовольствием услышав пронесшийся по пляжу звучный, смачный шлепок, разминая шею, крутнул головой.

– Желаящие есть?! – грозно обвел он толпу орлиным взором.

Парни испуганно притихли. Одно дело пытаться завалить попа всей толпой, и совсем другое – выходить один на один.

– Ну что, долго я буду ждать?! – еще более грозно спросил отец Василий, понимая, что уже теперь, до схватки, начал набирать очки. А значит, потенциальный противник, если он появится, будет изрядно подавлен психологически. – Или здесь одни бздюки собрались?!

Толпа подавленно молчала. Такого поворота событий никто не ожидал.

– Я с тобой буду драться! – громынуло сзади, и священник обернулся.

К нему приближался такой бугай, какого он, пожалуй, во всю свою жизнь не видел. Явно за метр девяносто пять ростом, а весом никак не менее полутора центнеров. Причем сплошной мускулатуры. «Ну и бык! – мысленно охнул отец Василий. – Как же я с ним управлюсь?!» Он не боялся, но трезво отдавал себе отчет в том, что когда-то приобретенные в спецназе боевые навыки отчасти утрачены, да и возраст вкупе с неспортивным образом жизни свое слово скажут.

Бугай встряхнул руками, тоже крутнул шейю, отчего над поляной пронесся такой грозный треск, словно кабан со всего маху влетел в камыши. Священник поежился.

Толпа вокруг них мигом трансформировалась и образовала почти идеально правильный круг. Похоже, здесь к периодическим схваткам самых невероятных пар не просто привыкли – их ждали. С нетерпением.

– Врежь ему по мозгам, Шайба! – тоненьким голосом крикнули из толпы, но никто более понукать этого гиганта не рисковал.

Шайба разработал кисти, немного присел, затем привстал, и священник остро осознал, что этот малый психологически нисколько не подавлен; уж скорее его, отца Василия, надо морально поддержать.

– Мишаня! – позвал его из толпы врач. – Завязывай это пацанячество, Мишаня! Давай лучше свалим, пока не поздно!

– Поздно, Костя, поздно, – сглотнул отец Василий и принял боевую стойку.

И в этот миг великан ударил. Священник пригнулся и почувствовал, как над самой головой, прямо над темечком словно пронесся маленький, но самый настоящий тайфун. Внутри екнуло. Теперь стало абсолютно очевидно, что его противник не просто выше ростом и тяжелее, за счет длины рук он запросто доставал до головы священника, сам оставаясь вне пределов досягаемости.

Отец Василий несколько раз переступил с ноги на ногу, примеряясь к ритму движений Шайбы и пытаясь оценить, каким образом он сможет достать эту гору мускулатуры и широких, крепких, тяжелых костей. Шайба снова ударил, и священник мягко поднырнул под просвистевшую над головой руку и провел грамотный удар в печень. И тут же ощутил, как его ноги

лишились опоры, а в следующий миг воздуха стало не хватать. Великан поймал его, зажал в своих объятиях, как удав кролика, и теперь, похоже, пытался просто раздавить.

– Й-о! – выдохнул отец Василий и саданул кулаком в потный, широкий бок.

Безрезультатно.

Он провел целую серию убийственных в любой другой ситуации и с любым другим противником ударов.

Ноль эмоций.

У отца Василия не было опоры, и поэтому он был лишен возможности вложить в удар массу своего тела. А этот бугай, видно, был начисто лишен способности чувствовать боль. А кислорода становилось все меньше. Священник попытался вдохнуть, но грудную клетку словно стянули металлическими обручами – как бочку. Сознание мутилось.

– Мишаня! Не сдавайся! – как сквозь вату услышал он и, совершенно ошалевший от невыносимого удушья, желая только одного: глотнуть еще хоть немного воздуха, впился зубами в скользкую, потную плоть.

Гигант взревел и ослабил хватку. Отец Василий скользнул вниз, на песок, кашляя и хрипло дыша, и стремительно отполз в сторону. То, что он использовал зубы, наверное, было неэтично, но здесь, похоже, никто в дебри этики и не совался. Потому что всем хотелось лишь одного: жестокого и, желательно, кровавого зрелища насилия человека над человеком. «Ладно! – решил поп. – Хотите? Получайте!»

Он стремительно сократил дистанцию, резко присел и провел подсечку. Титан рыкнул и, подняв целую тучу песка, рухнул оземь. И тогда священник прыгнул на него сверху и, вывернув противнику руку, завел ее за спину.

Это, наверное, было очень больно. Но только огромный, тяжелый Шайба и не думал сдаваться. Он привстал на четвереньки и, рыча и рыдая от боли, помчался по пляжу на трех точках – коленях и оставшейся у него в пользовании не захваченной руке.

Отец Василий вывернул руку сильнее, но и это ни к чему не привело, те единственные извилины, что еще работали у этого громила, кажется, были слишком прямы. Он то ли действительно не понимал, что делает, то ли просто ошалел от боли и мчался по песку на трех своих конечностях, как здоровенный дикий кабан с перебитой выстрелом передней ногой.

Промчавшись верхом на сопернике два или три круга, священник совсем упал духом. Нет, поначалу он крутил ему пальцы и бил по почкам, хватал за коротко остриженный чубчик и изо всех сил заворачивал вражескую голову назад. Но этот бугай никак не реагировал на его потуги и вообще оставлял впечатление слабоумного.

Впрочем, поначалу Шайба переворачивался, сбрасывал нежеланного «наездника» с себя и несколько раз подымался на ноги, но, сбитый умелыми поповскими подсечками, снова падал в песок, и настал миг, когда он даже не пытался изменить ставшее привычным положение «партер».

– Шайба! – разочарованно ревели со своих мест зрители. – Ну, Шайбочка! Давай! Давай! Так его! Так!

Факелы металась по всей площадке, освещая очередное перемещение поставленного на четвереньки героя здешней молодежи. Женщины визжали. Кто-то нет-нет да и швырял в противников пустыми пивными банками и пластиковыми бутылками, отчего оба бойца вскоре покрылись песком, плотно прилипшим к смоченной пивом коже. Но все было без толку. Поп не мог Шайбу победить, а Шайба никак не мог сбросить с себя этого довольно подвижного, несмотря на изрядную комплекцию, бородатого мужика.

Спустя невероятно долгие двадцать или даже тридцать минут оба выдохлись и передвигались по полянке еле-еле. И зрители поскучнели. Они не получили ни крови, ни воплей ярости, ни выражения страдания на перекошенном от чудовищной боли человеческом лице – ничего из того, чего так желалось. Бабский бой, конечно, выглядел куда как забавнее.

– Ну чего вы, как неживые?! – возмущенно орала из толпы. – Давай, поп, врежь этому вахлаку! Чего ты его мацаешь?! Бабу мацать будешь! А этого бить надо!

Им уже было все равно, кто победит. Лишь бы все это поскорее закончилось и стало ясно, надо ли Верке «отрабатывать».

– Сдавайся, Шайба, – прохрипел в ухо противнику отец Василий. – Сопротивление бесполезно. Мне сам Иисус помогает.

Он ждал чего угодно: категорического несогласия, язвительной ухмылки или гневного бурчания в ответ, но не этого. Потому что Шайба буквально взорвался от ярости. Черт знает, откуда у него появились новые силы, но он взревел, сбросил попа с себя и вскочил на ноги – сильный, мощный и даже как будто отдохнувший. Отец Василий на секунду оторопел, но когда эта махина, алчущая крови, помчалась на него, взял себя в руки, отступил в сторону и провел точный и резкий удар под ребра.

* * *

То, что поп одержал верх, стало ясно не сразу. Шайба пролетел по инерции около пяти метров, запнулся и покатился по песку. И больше не поднялся. Это казалось зрителям столь противоестественным, что никто даже не кинулся его поднимать, – думали, гигант встанет сам. Но он не встал. И тогда отец Василий подошел к поверженному противнику, решительно перевернул его на спину, пощупал пульс и, убедившись, что тот жив, подошел к Верке и взял ее за руку.

– Все кончилось, – тихо произнес он. – Пошли.

Они прошли сквозь миглом стихших наблюдателей, но отец Василий вдруг остановился и повернулся к предводителю.

– Нам лодку дадут?

– Дадут, – беспечно, так, словно это поражение никак его не касалось, кивнул тот и повернулся к одному из своих. – Чичер, дай им лодку. И объясни, где оставить...

Священник еще раз оглядел поляну с притихшими зеваками, подмигнул Косте и отправился вслед за Чичером к берегу.

* * *

Когда они отплыли, Верку еще трясло. Но они еще не обогнули остров, как она понемногу начала приходить в себя, и, поскольку лодка была весельной, надо было так полагать, что пока они доберутся до старой пристани, девчонка совсем успокоится.

– Нормально я свалила! – глотая согласные, нервно хохотнула Верка. – Даже отрабатывать не пришлось...

Видимо, психологически она была к этому готова.

– А что это за баксы? – поинтересовался Костя. – А то я слушал-слушал, да так ни хрена и не понял.

– Бача платит, – сглотнула Верка.

– Приз победителю?

– Не-а, – мотнула пышными волосами полногрудая красотка. – Всем. Он правду сказал, ему без разницы.

– А в чем тогда смысл? – не понял священник и налег на весла.

– Кто проиграет, тому чего-нибудь делать приходится, – сглотнула деваха. – Ну, там, петухом орать или вот... – она потупилась, – ребят обслужить...

– Я чего-то не понял, – удивился Костя. – А какой ему интерес платить?

– Просто хороший мужик, – пожала плечами девка. – Реальный. Ну, и хочет, чтобы всем хорошо было. Даже проигравшим...

Поп и врач переглянулись. Это было что-то новенькое. Платить такие сумасшедшие деньги из человеколюбия? Нет, здесь что-то было не так.

– У него что, денег куры не клюют? – осторожно поинтересовался Костя.

– Ага, – охотно кивнула Верка. – Он же крутой. Я же вам говорю, он реальный мужик. У него тут в городе все схвачено.

– А ты сама откуда?

– Софиевская. Думала вот деньги заработать...

Верка внезапно смутилась. Видно, вспомнила, что не все своими стараниями сделала.

– И заработала? – спросил священник.

– Заработала, – неохотно призналась Верка. – Только я вам отстегивать ничего не буду. Я же не просила за меня впрягаться... Я бы лучше ребятам дала...

– Не хочешь, так и не надо, – усмехнулся отец Василий и налег на весла еще сильнее. – Я за тебя задаром впрягся.

– Спасибо...

Некоторое время они плыли в полной тишине, отец Василий налегал на весла и перебирал в голове все, что узнал этой ночью. И так, в городе есть некто Бачурин по кличке Бача, у которого денег куры не клюют.

– Слышь, Костя, – поинтересовался он. – А кто этот Бача?

– Предприниматель. В Союз ветеранов зайди, там тебе на него весь расклад дадут. Молодой совсем, недавно из армии пришел, а прыткий! Куда там старичкам вроде нас с тобой...

– А с чем он у тебя в больничке лежал?

Костя засмеялся.

– Извини, друг, это врачебная тайна...

Отец Василий устыдился, но быстро справился со своим невольным замешательством и снова погрузился в мысли.

«Итак, – обдумывал услышанное священник, – в городе есть молодой и прыткий Бача, которого знают в Союзе ветеранов и у которого денег куры не клюют. Ах да! У него еще все схвачено, и вообще он мужик реальный и даже хороший. Настолько хороший, что платит просто за участие во всем этом бардаке... интересно».

Священник почесал затылок. «Штука» баксов за один паршивый бой – это для привыкшего к уличному беспределу и тотальному безденежью Усть-Кудеяра многовато. Считай, ни за что годовая зарплата свалилась! А для женщины даже двухгодичная... Не-ет, так не бывает.

И вдруг его осенило. Не в бое дело. Выиграть и проиграть в бою дело обычное. Дело в наказании для проигравшего. А это может стоить и поболее двух истраченных тысяч долларов – смотря что для него придумаешь. Тут такой простор для извращенной психики – ого-го!

– Слышь, Вер, – повернулся он к девушке, – а кто задания проигравшим дает?

– Чичер, – сглотнула Верка.

– Это помощник, что ли, Бачин?

– Да какой он помощник? – отмахнулась Верка и вдруг задумалась. – Он вообще непонятно кто. Вроде и с Бачей не общается, да и с пацанами тоже...

– Неужто просто посторонний человек? – подыгрывая другу, изобразил удивление Костя.

– Я не знаю, – честно сказала Верка после долгой заминки. – Когда я пришла, он уже был.

Отец Василий и главврач снова переглянулись. Они оба прекрасно понимали, что «музычку» заказывает тот, кто платит. А платит здесь Бача.

* * *

Они оставили лодку там, где им сказали – у старого причала. Тепло попрощались с торопившейся к подруге в Шанхай Веркой, а потом сходили и разбудили Петра, чтобы не маялся поутру мужик в тягостных размышлениях, а не потонули ли его клиенты, нахлебавшись халявного медицинского спирта.

– Не нравится мне это, Костя, – поделился своими думами отец Василий. – Это уже не шалость.

– А я тебе что сегодня говорил? – усмехнулся главврач. – Ладно, я бы еще понял, если бы ко мне просто наркоши после передоза поступили! А то ведь обычные, можно сказать, нормальные пацаны, а с Перуном хотели повидаться...

Священник кивнул. Он не связывал воедино эти два события: перебравших неизвестных наркотиков пацанов-духоискателей и тот беспредел, с каким ему пришлось повстречаться на острове. Но он понимал: своей внутренней сутью эти события связаны, и очень прочно. И в том и в другом случае молодежная субкультура дала зигзаг такой силы, словно хотела выбросить своих носителей за пределы общества. А это опасно. Для самих пацанов в первую очередь.

Они попрощались возле храма, и отец Василий споро пошел домой, а Костя к себе в больничку – шугануть разоспавшихся нянечек и вообще проверить, как дела. Для холостого и одинокого главного врача заштатной районной больницы это было главным удовольствием в жизни. Если не считать спирт, разумеется.

* * *

Когда отец Василий открыл дверь и прошел на кухню, Ольга еще не спала.

– Что так рано? – удивилась попадья, отложив книжку отлученного от православной церкви графа Льва Толстого в сторону. – И трезвый?! – В ее глазах застыло изумление.

– Так получилось, – виновато пожал плечами священник и не выдержал – рассмеялся. – Рыбы-то я так и не поймал, как можно спирт глушить? Совесть замучает!

– Ага! – в тон ему разулыбалась попадья. – Вас с Костей замучает! Как же, дожدهшься! Уж скорее вы начнете с рыбалки с добычей возвращаться!

Отец Василий прижал супругу к себе и с удовольствием вдохнул пряный, сдобный запах ее пышного, уютного тела. Да, такую жену еще поискать! Одарил господь...

* * *

На следующий день, сразу после утренней службы, отец Василий пошел на прием к начальнику РОВД Аркадию Николаевичу Скобцову. Пространно и с чувством изложил все детали произошедшего намеренно, но неожиданно для себя понимания не встретил.

– Во-первых, батюшка, вы особенно не беспокойтесь, – внятно, как первокласснику, чуть ли не по слогам сказал Скобцов. – Василия Бачурина я знаю: он человек серьезный и, насколько мне известно, законов не нарушает. А что касается женского бокса, так у нас ведь ныне демократия, все можно.

Священник разгневанно задышал. Удобно они у себя в ментовке устроились. Как бабки у кого отжать, так сразу тут как тут. А как нужно затронуть чьи-то криминальные интересы, нельзя, у нас демократия! А если что всплывет, так это не менты продажные виноваты, это все демократия проклятущая... Саботажники хреновы!

– Они там тотализатор устроили! – не сдавался он. – Деньги ставят!

– И вы можете это доказать? – ехидно наклонил голову главный мент города. – Если можете, пишите заявление, а мы проверим, насколько ваши утверждения соответствуют... действительности.

Священник задумался. Он вовсе не был уверен, что сможет доказать хоть что-либо. Скорее всего, участники этой противозаконной оргии ничего не подтвердят. А значит, он сядет в лужу.

– Ладно, хрен с вами! – вздохнул отец Василий и поднялся из-за стола. – Видно, придется мне в администрацию идти!

– Ваше право, – пожал плечами Скобцов.

Но и в администрации ничего путного отцу Василию не сказали. В смысле налогов частный предприниматель Бачурин у них числился в «передовиках», а ничего, кроме этого, никого, собственно, и не интересовало. И тогда он, по совету Кости, отправился в Союз ветеранов.

* * *

Уже на подходе к расположенному на последнем, десятом, этаже «Белого дома» офису Союза ветеранов отец Василий услышал возбужденные голоса. Он подошел к двери и остановился.

– Я тебе бабки не для этого давал, – напирал кто-то на удивление знакомым голосом.

Священник открыл дверь и решительно вошел. За огромным полированным столом сидели трое: седой и загорелый бывший «афганец» и председатель Союза Саша Комлев, его заместитель и... Бача – чистенький, холеный, в роскошном костюмчике «от кутюр»... Отца Василия увлеченные дискуссией мужики просто не видели.

– Ты, Бача, тоже совесть имей, – покачал седой головой бывший старший лейтенант, а теперь инвалид и не слишком удачливый предприниматель Комлев. – Квартира квартирой, а пацанов еще и лечить надо.

– Я тебе деньги на квартиру дал, конкретно, – жестко возразил Бача. – А если тебе на лечение надо, так ты попроси, я дам. Когда я тебе отказывал?

Отец Василий набрал воздуха в грудь и шагнул вперед.

– Здравствуй, Саша, – подошел он к председателю и протянул руку для пожатия.

– Здравствуйте, батюшка, – обрадовался Комлев и затряс протянутую кисть. – А у меня для вас хорошая новость. – Вот Вася Бачурин, член правления Союза, решил на храм тридцать тысяч рублей пожертвовать...

Отец Василий сглотнул: тридцать тысяч рублей – это как раз та самая «штука» баксов, которую Бача платил каждому бойцу, решившему участвовать в его оргии. И если бы он минувшей ночью дрался не за Верку, а сам, то как раз бы их и заработал.

– Спасибо, но я как-нибудь без этих денег обойдусь, – решительно покачал он головой.

– А в чем дело? – недоуменно посмотрел на священника председатель Союза ветеранов. – Что не так?

– Все не так, – отодвинув стул, сел за стол отец Василий.

– Батюшке не нравится мой образ жизни, – легко и беззаботно прокомментировал ситуацию Бача и достал сигарету.

Комлев переглянулся со своим заместителем, но промолчал. Похоже, они эту проблему уже обсуждали.

– Ну, ладно, Санек, – встал Бача. – Мне здесь делать нечего, завершайте без меня, – и вышел.

Воцарилось неловкое молчание.

– Вы не все понимаете, батюшка, – первым нарушил гнетущую тишину Комлев. – Васька нормальный пацан. Реальный.

- Я это уже слышал, – кивнул священник.
- И Союзу помогает...
- Я вижу.
- А что развлекаются они по мелочи, так ведь молодые еще...

На Комлева было жалко смотреть. И объяснять ничего не надо: Бача оплачивал медицинские нужды Союза, а значит, умнее будет не лезть к своему спонсору с этическими претензиями. Что бы ты об этом ни думал.

– Вот с молодых ногтей все и начинается, – назидательно произнес отец Василий и тоже встал. Ему, как и Баче, делать здесь было нечего.

* * *

Настолько глухого, тотального поражения батюшка не получал давно. Обычно властные структуры охотно шли ему на помощь; по крайней мере там, где не затрагивались их шкурные интересы. Но в данном случае таковые интересы, увы, затрагивались: и налоги Бачурин платит, и ветеранам помогает, и вообще «реальный мужик». М-да...

До вечерней службы оставалось еще шесть часов, и отец Василий мысленно перебрал запланированные на сегодня дела. По-настоящему важных среди них не числилось, и священник, дабы сделать хоть что-нибудь действительно полезное, решил сходить в районную больницу и навестить незадачливых «духоискателей», о которых говорил ему Костя.

Он быстро пересек площадь, затем сквер Борцов за революцию, вышел в больничный парк и вскоре уже сидел в кабинете Константина Ивановича. Но на просьбу позволить ему поговорить с отравившимися неизвестным наркотическим веществом юными язычниками Костя лишь покачал головой.

– Двоих мы этой ночью потеряли, а третий в реанимации. Так что побеседовать тебе с ними никак не удастся.

Отец Василий поперхнулся.

– Ты бы не лез в эти дела, Мишаня, – настороженно блеснул стеклами очков главврач. – Пусть этим менты занимаются... Это их забота.

– И моя тоже, – тихо проронил священник. – Всякая потерянная для господина душа – моя забота.

– И чего ты от меня хочешь? – хмуро поинтересовался главврач.

– Дай мне адрес, откуда их доставили. Пойду, гляну...

Костя неодобрительно посмотрел на друга, некоторое время размышлял, а потом все-таки поднял трубку и набрал номер.

– Анечка? Слушай, Анечка, дай-ка мне адресок, с которого к нам эти наркоманы поступили. Да-да, те самые...

Главврач подтянул к себе листок бумаги, корявым медицинским почерком написал адрес и протянул записку священнику.

– Держи. Это должно быть недалеко.

Отец Василий благодарно кивнул, поднялся, но Костя остановил его властным жестом.

– И это... Мишаня, я не знаю, поможет ли это тебе, но ребятами уже интересовались.

– Менты?

– Если бы... Бачурин поутру приходил.

Священника будто ударили поленом по голове.

– Зачем? – хрипло спросил он.

– Я не знаю, – покачал головой Костя. – Сам-то я его не видел. Мне сестричка из приемного покоя сказала.

– Вот это номер... – прошептал отец Василий.

То, что язычников навещал Бача, меняло многое. С точки зрения отца Василия, теперь дело из банального превращалось в крайне подозрительное, почти политическое. Он не знал, что за этим стоит, как не знал и того, есть ли эта информация у ментов, но искренне надеялся, что следователи не пройдут мимо этого странного факта.

«Обязательно надо со Скобцовым поговорить! – решил священник, сбегая по больничной лестнице. – Обязательно! А сейчас, не мешкая, на место происшествия! Посмотрим, что за шабаш они там устроили...»

* * *

Низенький частный дом, в котором траванулись три отрока, и впрямь оказался совсем рядом, на самом краю Татарской слободы. Утирая обильно сбегаящий по лицу пот огромным носовым платком, отец Василий постучал в калитку, но никто ему не ответил. Тогда он осторожно заглянул за забор, понял, что собаки во дворе нет, и толкнул калитку от себя.

Маленький, захламленный старым железом двор оставлял впечатление нежилого. Отец Василий подошел к двери, пригляделся и понимающе кивнул головой: на дверях уже красовалась пластилиновая ментовская печать. Точнее, то, что от нее осталось: от жары пластилин потек и съехал вниз, так что буквы стали почти нечитаемыми.

Он отошел от двери и направился вокруг дома, просто, чтобы почувствовать саму атмосферу этого нечистого места, но зайдя за угол, замер. Здесь, на заднем дворе, на идеально вычищенной и тщательно посыпанной песком площадке, прямо в центре, красовался идол. Самый настоящий.

Высокая, в человеческий рост, деревянная фигура идола была вкопана в землю по колени, отчего идол напоминал то ли проросший человекообразный гриб-мутант, то ли вбитого ударом Змея Горыныча богатыря. Большие, прикрытые веками глаза опущены вниз, усы, борода, короткий, ноздрями вперед, нос, непропорционально мощные кулаки и зажатые в них зигзагообразные молнии.

«Перун!» – охнул священник. Несколько стилизованный под современность, несколько вычурный и не слишком художественно исполненный, но это был он – древний языческий божок славянских племен. Отец Василий вгляделся и понял, что темные потеки на щеках и лбу идола – следы крови: ему уже приносили жертву.

И, словно откликаясь на эту, жертвенную, кровь, своя собственная кровь ударила отцу Василию в голову. Встреча с язычеством через тысячу лет после крещения Руси оказалась настоящим испытанием.

Он подошел и толкнул идола в грудь. Тот даже не шелохнулся. Священник уперся в него плечом и напрягся, но идол был непоколебим. Тогда отец Василий огляделся по сторонам, заглянул под лавку и сразу нашел то, что нужно – тяжелый, потемневший от времени колун. Священник вытащил его, взвесил в руке и усмехнулся. Он знал, что делать.

* * *

Идол поддался не сразу. Сначала отлетел короткий нос божка с выпученными ноздрями, затем уши и кулаки. И лишь потом отцу Василию мощным, идущим от всей души ударом удалось расколоть деревянный образ Перуна пополам. А дальше пошло легче.

Он рубил порождение врага человеческого, не замечая ни летящего в стороны пота, ни ранящих лицо и руки щепок; рубил так яростно, словно от этого зависела его жизнь. А потом упал на колени, торопливо сгреб остатки в одну огромную кучу и только теперь понял, что сжечь это все просто нечем. Некурящий священник никогда не носил с собой ни спичек, ни зажигалки.

– Эй, батюшка! – окликнули его.

Священник, шатаясь, встал. За соседским забором стоял пожилой татарин.

– Спички нада? – спросил он.

Отец Василий сглотнул и закивал.

– Держи! – метнул ему коробок татарин, и отец Василий перехватил его на лету и снова упал на колени – разжигать.

– Я им говорил, Аллах не простит, – печально произнес татарин. – Грех большой идолу намаз делать. А они смеялся.

– Вот и досмеялись, – подтвердил его правоту священник. – Двоих уже господь призвал, один в реанимации...

Татарин сокрушенно зацокал языком.

– Жалка. Такой молодой... Жена нет, дети нет. Кончился род.

Охвативший мелкие, почти невесомые щепки огонь жадно пожрал их и теперь перекинулся на более крупные обломки идола. Отец Василий вернул коробок и отошел к скамье. Невыносимый жар солнца теперь многократно усилился жаром от костра. Но что значит этот жар по сравнению с неугасимым, вечным пламенем преисподней?

Некоторое время священник так и сидел, а потом, когда костер начал угасать, пришел в себя и понял, что весь покрыт мелкой деревянной трухой, серым душистым пеплом и липким, противным потом. Он сгреб золу в кучу, вышел через калитку на улицу и долго, тщательно умывался под колонкой, смывая с себя гнев и жажду разрушения, а потом глубоко вдохнул и направился в центр. Теперь ему предстояла еще одна задача – уничтожить один из главных источников воплощенного в дереве язычества.

* * *

С щедушным Сусликом он учился в одной школе. Но пути их быстро разошлись. Когда Михаил Шатунов ушел в армию, откосивший от службы по состоянию здоровья Суслик поступил в Институт культуры. Когда Михаил Шатунов остался на сверхсрочную и давил гадов, Суслик пил портвейн и носил на шее огромный, собственноручно вырезанный из красного дерева крест. Затем, уже когда Мишаня вернулся в Усть-Кудеяр отцом Василием, Суслик ударился в «поиски корней»: отпустил роскошную, красиво седеющую по краям бороду, начал активно изучать славяно-горецкую борьбу и, вот надо же, докатился! Отец Василий прекрасно опознал «почерк», каким был исполнен языческий идол, – его изготовил все тот же Суслик.

Священник, не переставая утирать беспрерывно катящийся по лицу пот, снова пересек центральную площадь и отметил, что народа на улицах практически нет – город как вымер. Безумная жара загнала всех по домам и кондиционированным офисам.

Отец Василий почти бегом ворвался в тенистую аллею, ведущую к целому ряду серых одинаковых пятиэтажек, и замер. Недалеко от него, буквально в полусотне метров, сажился в машину Бача. Сомнений не было: двух таких костюмчиков «от кутюр» в Усть-Кудеяре быть не могло.

– Вот бесовщина! – пробормотал отец Василий. Связь между молодым, законопослушным и вообще образцово-показательным предпринимателем Василием Бачуриным и языческим нашествием становилась все ошутимее.

Отец Василий преодолел последние метры, вбежал в знакомый подъезд – бывал он здесь лет пятнадцать назад, – задыхаясь, поднялся на третий этаж и толкнул нужную дверь. Та легко открылась, и священник без промедления вошел. Одетый в чуждую желтую куртку Суслик стоял перед побитым, заляпанным краской столом и любовался разложенными по поверхности зелеными купюрами.

– Здорово, Суслик! – прохрипел священник.

– Мишаня? – оторопел скульптор.

– Ага! – утирая пот уже рукавом, выдохнул отец Василий. – Что, тридцать сребреников никак пересчитать не можешь?

Суслик испуганно заморгал. Огромный, потный и явно недовольный им, Сусликом, поп определенно произвел на него впечатление.

– Ты чего, Мишаня? – подался назад скульптор.

Священник прошел в зал и обомлел. Вся превращенная в мастерскую комната была забита идолами и прочими изображениями языческих божков: Перун, Сварог, Дажь-бог, богиня Сва – какой только мерзости здесь не было!

– Уже на поток поставил? – хищно осклабился священник.

– Народу нравится... – побледнев, промолвил Суслик.

– Я тебе покажу, что народу нравится! – грозно двинулся на него отец Василий. – Я тебе устрою, блин, капище!

Суслик дернулся и побежал от него вокруг стола, на ходу собирая столь беспечно разложенные доллары и распахивая их по карманам просторной желтой куртки.

– Миша, прекрати! – залепетал он. – Мишаня, приди в себя! Ты что делаешь, Мишаня?! Она же куплена! За ней приедут через полчаса!

Но отец Василий не слушал. Подхватив стоящее в углу странной формы кайло, он уже крушил идолов: гипсовых, деревянных, всех подряд! На-лево! На-право! На-лево! На-право!

– Миша, остановись! – отчаянно кричал Суслик, патетически хватаясь за нечесаную голову. – Миша, ты еще пожалеешь!

Куски гипса брызгали в разные стороны стремительными белыми метеоритами, дерево трещало, стопки эскизов оседали на пол и, подобно рядам домино, падали под ноги – сначала священнику, а затем и хозяину, пытающемуся если не вразумить бешеного попа, то хотя бы спасти что-нибудь.

– Не надо! – непрерывно уговаривал он, стараясь держать разумную дистанцию. – Что ты делаешь?!

Но обезумевший священник ничего не видел и не слышал.

– Я тебе, бля, покажу баксы! Я, бля, тебе покажу, что народу нравится! – твердил он, и лишь когда вся мастерская стала походить на развалины Сталинграда, отец Василий приостановился – крушить более было нечего.

– Десять лет творчества! – рыдал вжавшийся спиной в угол, закрывший лицо руками Суслик. – Десять лет бессонных ночей! Я мучился! Я творил! А ты! Варвар! Чудовище!

– Этой ночью двое ребятишек погибли, – тяжело вздохнул выместивший злобу на идолах и немного отошедший от гнева отец Василий. – И твой идол был там главной персоной...

– Ты ничего не понимаешь! – отмахнулся Суслик. – Это искусство! Настоящее! Народное! От корней...

– Это не искусство, – покачал головой отец Василий и обессиленно уселся на пол рядом с бывшим школьным товарищем. – Это полная жопа.

Некоторое время они сидели молча, и лишь Суслик шмыгал носом и утирал набегающие слезы. А потом священник, ожидая, что получит именно тот ответ, которого боится, спросил:

– Кто заказчик – Бачурин?

– Ну, и Бачурин тоже, и что теперь? – обиженно протянул скульптор.

– Да ничего, – ответил отец Василий и поднялся. Ему было стыдно за учиненный погром. Но изменить что-нибудь было нельзя, да он, по большому счету, и не хотел что-либо менять. Что сделано, то сделано.

* * *

До начала вечерни оставалось два с половиной часа, и отец Василий успел сходить в храм, коротко переговорить с диаконом, завести свой старенький белый «жигуленок» и заехать к Бугрову. Нужно было что-то делать, и чем быстрее, тем лучше. Но, как ни странно, понимания он не встретил.

– Вы что, батюшка, – удивился Бугров. – Ко мне за помощью приехали?

– Да, Виктор Сергеевич, – после секундного колебания признал священник. – Я думаю, нам следует сотрудничать.

– А когда я вам предлагал, вы мне что сказали? – мстительно напомнил Бугров. – Помните?

Конечно же, отец Василий помнил. Но рождающийся прямо сейчас, можно сказать, на глазах новый культ, с его точки зрения, был куда опаснее, чем та причудливая смесь православия и военщины, которую исповедовал Бугров. И если Виктор Сергеевич грезил о порядке времен Андропова, то Бача, буде ему удастся задуманное, погрузит юную, доверчивую поросль во времена, предшествовавшие рождеству Христову. Туда, где еще не было ни Нагорной проповеди, ни распятия, ни Воскресения.

– И вообще, батюшка, у меня завтра военно-спортивные игры на Песчаном, а я еще ребят не всех собрал, – как от назойливой мухи, отмахнулся Бугров от священника. – Хотите серьезно поговорить, что ж, я не против. Но только после «Зарницы».

Отец Василий присмотрелся к нахмуренному лицу «общественного тренера» и признал, что трогать его в таком настроении не резон. И тут же решил, что обязательно будет на этой «Зарнице»; пусть Виктор Сергеевич почувствует его моральную поддержку и поймет, что он ни зла, ни камня за пазухой не держит.

* * *

Отец Василий отслужил вечерню неровно, он словно потерял что-то важное, какую-то опору под ногами. Но это не касалось ни его веры, ни его отношений с господом, это касалось его самого. А когда он, изнемогая от жары, добрал до дому и поднял трубку на удивление точно зазвонившего телефона, то понял, что этой своей антиязыческой акцией попал в самое яблочко, в самое гнездовище нечистого. Потому что это звонил Василий Бачурин.

– Мне сообщили об учиненном вами погроме, – мягким и спокойным баритоном сообщил Бача. – Придется ответить.

– Я готов, – усмехнулся священник. – Где и когда?

– Вам сообщат дополнительно.

Трубка загудела. Отец Василий пожал плечами и наткнулся на встревоженный взгляд попадьи.

– Что-то не так? – стараясь выглядеть спокойной, спросила Ольга. Она всегда видела его насквозь.

– Да, – нехотя признал отец Василий. – Но я справлюсь. Ты лучше скажи, что там насчет завтрашних военно-спортивных игр пишут...

Он знал, что вынужденная по причине малолетства Мишаньки сидеть в четырех стенах попадьа читает местную прессу от корки до корки.

– «Зарницу» организовал губернатор, – довольная, что может быть полезной, с готовностью начала перечислять попадьа. – Состоится завтра на острове Песчаном, возле турбазы. Восемь команд, из них две наших и одна московская. Бойскауты, кстати, приедут.

Отец Василий улыбнулся: бойскауты – это интересно.

– А когда?

– В двенадцать.

– Надо же, – удивился священник. – В самое пекло. У них что, мозгов нет – ребятишек в такую жару мучить?

– Ну... губернатор никогда чрезмерным интеллектом не блистал, – улыбнулась Ольга. – Ты кушать-то будешь? Или, как всегда, кваском перебеешься?

– Как всегда... – вздохнул отец Василий. Есть после всего этого пекла не хотелось совершенно.

* * *

Назавтра, к половине двенадцатого, отец Василий выловил лодочника Петьку, заплатил давно оговоренную таксу в пятьдесят рублей и без четверти двенадцать уже ступил на пологий, чистый и действительно песчаный берег острова Песчаный.

На весь остров гремела музыка, повсюду сновали взмокшие подростки в тельняшках и форменных кепи с козырьками, кто-то громко подавал команды в мегафон, и вся атмосфера была пропитана ясно различимым ароматом крупного, почти государственного мероприятия. Так что, если бы не жара и не контейнеры, битком набитые жестяными баночками из-под напитков, то можно было подумать, что он вернулся лет на двадцать назад, аккуратно на первомайскую демонстрацию.

Священник как можно быстрее переместился в тени, под высокие многолетние ивы, но темная материя рясы все равно накалялась чересчур быстро. Бугрова он пока не видел. Но спустя пять или шесть минут команды начали строиться, и тогда стало ясно, что вон те, во всем зеленом – бойскауты из Москвы, те, что в тельниках, определенно бугровские, а те, у которых на спинах, то есть на майках, конечно, аляповато изображен крупный герб области, – губернаторские...

Одеты были мальчишки как на подбор, и только одна команда выделялась своим откровенно свободным и абсолютно не форменным стилем одежды. Священник пригляделся. Кое-кого он знал. Один паренек из Шанхая – отца недавно отпевали: сгорел мужик от самогона; а вот другой определенно бугровский – видел его отец Василий, и не раз... Кажется, Хохлов.

Рослый, крупный тренер этой странной разномастной команды отдал последние распоряжения и повернулся к нему лицом.

– Йо-пэ-рэ-сэ-тэ! – охнул священник, покрываясь холодным потом. – Уже до подростков добрался!

Тренером оказался Василий Бачурин собственной персоной. Верить в это не хотелось, но факт был налицо.

– Ну что, мужчины, – ободряюще произнес Бача. – Покажем сегодня, кто самый крутой?

– Йес! – хором выдохнули пацаны.

Отец Василий растерянно огляделся по сторонам, словно кто-нибудь мог помочь ему остановить это языческое по своему духу нашествие, и тут же увидел Виктора Сергеевича, идущего прямо на Бачу.

– Хохлов! – властно позвал остановившийся перед строем «бачуринцев» Бугров. – А ты что здесь делаешь? А ну, быстро в команду!

Бача неторопливо, враскачку подошел к Бугрову и что-то произнес.

– Какие, на хрен, списки?! – возмутился Виктор Сергеевич. – Здесь половина моих!

– Они взрослые ребята и сами выбирают, с кем им быть, – спокойно и уверенно возразил Бача.

– Чего?!

Они сцепились почти мгновенно. Бугров сразу сунул Баче «тычку», но тот поставил блок, и тогда опытный рукопашник Бугров грамотно провел подсечку и повалил рослого Бачу на песок. Но закрепить успех ему не удалось, к ним уже бежал главный судья.

– Что это такое, Виктор Сергеевич?! А ну, в стороны! В стороны, я сказал! Постыдились бы! При детях...

Пацанва следила за развитием событий, затаив дыхание. Тут же понабежали и остальные судьи, и после короткого, но бурного совещания прямо на месте всю команду Виктора Сергеевича Бугрова сняли с соревнований.

– Все члены команд занесены в списки! – объясняли они не желающему покидать поле несостоявшегося сражения Бугрову. – А ваши проблемы вам надо было раньше утрясать!

Виктор Сергеевич был вне себя.

Отец Василий стоял под ивой ни жив ни мертв. Нет, его нисколько не возмутило решение судей. В конце концов, Бугров сам во всем виноват. Но его потрясла реакция пацанов: на Бачу они смотрели с обожанием. Несмотря на падение после подсечки, несмотря на не слишком умело поставленный блок – несмотря ни на что. И лишь один перекинувшийся к Баче подросток дрогнул и вернулся в снятую с соревнований команду Виктора Сергеевича.

«А противник-то сильнее, чем я думал, – вздохнул отец Василий. – Вот так-то, дорогой ты мой товарищ Бугров! Вот так!»

* * *

Священник отстоял до конца. «Зарница» оказалась так себе. Обычные, можно даже сказать, рядовые, соревнования областного уровня. Подростки разжигали костер, плавали, ставили палатки – естественно, все это на время. Не обошлось без эксцессов: двоих ребят из губернаторской команды хватил солнечный удар, а один из московских бойскаутов серьезно поранил руку. Но остальные, коричневые от загара и закаленные непрерывным сидением в волжской воде пацаны, испытание выдержали, что называется, с достоинством.

И вот что еще отметил отец Василий: бачуринская команда явно отличалась от других в лучшую сторону. Чем-то неуловимым, чем-то глубоко внутри... Они не были подготовлены лучше других, а во многом даже уступали. И тем не менее смотрели они веселее, а держались дружнее и увереннее.

А потом судьи начали делить места, и губернаторская команда получила первое место, московские бойскауты – второе, а какая-то безвестная и весьма слабенькая команда третья. И вот здесь началось самое интересное.

Бача построил своих и повел к берегу. Отец Василий, думая, что все завершилось и теперь Бачурин просто посадит парней в лодки и отправит по домам, немного проследовал за ними, и только здесь понял, что все будет не так. Потому что по всей ширине Волги, от острова Песчаный и до старой усть-кудеярской пристани, в два ряда, образуя отчетливо видимый проход, стояли моторки. Много, штук двадцать.

Бача подал команду, и все пацаны до единого, раздевшись до плавок, вошли в воду.

– Я не понял, что он делает? – прошептали сбоку, и священник оглянулся: это был главный судья соревнований.

– В морду вам плюют, – усмехнулся подошедший Бугров.

Отец Василий кивнул – похоже, так оно и было. Не получившие места бачуринцы явно собирались переплыть Волгу. И не в самом, надо сказать, узком месте.

– Он что, охренел?! – заволновались мужики.

– У него все схвачено. Смотрите, сколько лодок. Если кто начнет тонуть, вытасят.

Отец Василий молчал и смотрел. Он знал, что половина местных пацанов Волгу в этом месте переплывает. Через силу, захлебываясь на последних десятках метров, но переплывает.

Понятно, что такое серьезное испытание господин губернатор подросткам назначить не может. И понятно, что, если бачуринцы его выдержат, их официальное поражение обернется такой моральной победой, какая занявшей первое место губернаторской команде и не снилась. Бача действительно собирается плюнуть им всем в морду. Уже плюнул.

Священник быстро прошел на пляж, нашел среди нескольких десятков лодок Петькину и распорядился следовать параллельно совершающей заплыв команде. Он видел все: как дружно, почти строем, преодолели пацаны первую треть реки, с каким надрывом дается им вторая треть и как, изо всех сил преодолевая себя, чтобы не попросить помощи у сидящих в моторках взрослых бачуринских парней, они дотягивали последнюю треть.

– Давай, Хохол! – орал сидящие в лодках парни самому слабому, совсем недавно перешедшему от Бугрова пацану. – Давай, мужчина! Не сдавайся! Вот молодца!

Отец Василий медленно греб веслом, не позволяя Петру завести мотор из опасения поднять волну и этим помешать пловцам, и смотрел. Он понимал, что сейчас пацаны получают одну из самых крупных своих побед и одно из самых важных умений – умение не обращать внимания на то, во что тебя оценили другие, и продолжать следовать своим курсом. Несмотря ни на что. И все благодаря Баче. И теперь вопрос лишь в том, когда Бача решит, что об этом весьма серьезном долге можно напомнить.

В том, что такой момент наступит, священник не сомневался – видел, как это делается. И в этот самый миг свободный и счастливый доселе человек осознает, что не может отказать тому, кто так много ему дал.

* * *

Они доплыли. Все. На последних метрах захлебывающегося Хохлова «взяли на буксир» изрядно подуставшие товарищи, и пацаны финишировали вместе, ни разу не прибегнув к помощи парней в лодках. Это видели все, кто жадно смотрел в бинокли и на той стороне реки, на острове, и тем более на этой.

Измотанные подростки по очереди обессиленно вползали на почерневший от воды склизкий деревянный мосток и так же поочередно презрительно махали тем, кто остался на острове.

«И что мне с таким соперником делать?» – покачал головой отец Василий. Ответа не было.

* * *

Отец Василий дождался Бугрова, но ему даже не пришлось к нему подходить – Виктор Сергеевич нашел его сам.

– Вы были правы, батюшка, – сказал бедный мужик. – Этот Бачурин конкретно оборзел, пора на место ставить.

Священник молча кивнул. Он видел, что Бугрова зацепило за живое, а значит, он не остановится. И значит, можно ничего более не говорить. Они стояли и смотрели, как Бачины воспитанники, удовлетворенно перешучиваясь, надевают подвезенную на скоростной моторке одежду и забираются в подогнанные к самому причалу импортные микроавтобусы. Как одобритительно хлопают их по спинам старшие товарищи. И если священник и Бугров не чесали в затылках, то лишь потому, что боялись хоть в чем-нибудь выглядеть проигравшими. Да только так оно и было.

– Я к вам вечером зайду, – решительно тряхнул головой Бугров и отправился к ожидающейся его неподалеку снятой с соревнований и выглядящей очень несчастной команде.

– Буду ждать, Виктор Сергеевич, – тихо пробормотал вслед священник.

* * *

Бугров подошел прямо в храм, к концу вечерней службы. Он терпеливо дождался, когда отец Василий завершит все свои дела, и лишь когда священник дал последние напутствия прихожанкам и направился в здание бухгалтерии, нагнал его.

– Что делать будем, батюшка?

Священник с ответом не спешил. Теперь, когда Бугров пришел к нему сам, можно было и отвоевать некоторые позиции.

– Прежде всего, – открывая дверь бухгалтерии своим ключом, начал он, – если вы все-таки настроены со мной сотрудничать, перестаньте пугать пацанов своими рассказами о всемирном заговоре против несчастной России.

– Но это же правда, – растерялся Бугров.

– Вы верующий человек? – повернулся к нему священник.

– А то вы не знаете?! – обиделся Бугров.

– Тогда отдайте кесарево кесарю, и пусть всякими заговорами занимаются те, кого господь наставил этим заниматься.

– Спецслужбы, что ли? – растерялся Бугров.

– Именно так.

Бугров поежился. Он не любил контрразведчиков – были на то основания. Не всех, конечно, с местной ФСБ он сотрудничал давно и плодотворно, но вот армейские особисты выпили в свое время у Виктора Сергеевича столько его честной офицерской крови, что хватило бы на несколько армейских госпиталей.

Порой отец Василий даже думал, что если бы тогда, в далеком афганском прошлом, сразу после острого приступа душевного расстройства пехотный капитан Бугров попал бы к врачам, а не в контрразведку, половины его сегодняшних проблем не было бы и в помине. Но Виктор Сергеевич попал именно к особистам, и те, само собой, использовали это обстоятельство на полную катушку, с пристрастием выискивая в неадекватных действиях глубоко больного человека предательство интересов Советской Родины.

– Ладно, – махнул рукой Бугров. – Договорились.

– Тогда приступим, – пропустил его вперед отец Василий.

* * *

Многое встало на свои места достаточно быстро. Оба сошлись на том, что выпускать пацанву из-под контроля нельзя ни в коем случае. Особенно в столь острый и переломный момент. Оба признали, что ни школа, ни семья контролировать детей не в состоянии – были бы в состоянии, не дошло бы до такого беспредела. И оба видели: в ситуации тотальной неостребованности мальчишки охотно встанут под любые знамена, лишь бы на этих знаменах начертаны их имена. Или хотя бы пообещали начертать. В этом смысле Бача объявился на удивление вовремя.

Они не знали ни стратегических целей, ни тактических планов этого странного коммерсанта, но понимали: увяз коготок – всей птичке пропасть, и вытащить однажды попавших под его влияние пацанов обратно вскоре будет почти невозможно. Что бы он в дальнейшем ни замыслил. Все слишком далеко зашло.

– Значит, так, – размашисто чертил принципиальную схему Бугров. – Как бы независимо одну от другой, создаем две команды: одну под вашим руководством, вторую – под моим.

– Принято, – кивал священник.

– На фоне этих двух жестко конкурирующих группировок влияние Бачи так сильно сказываться не будет.

– Согласен, – разводил руками отец Василий.

Честно говоря, термин «группировка» ему не нравился, но он понимал: чем ближе к этому понятию будет команда, тем сильнее можно ее оторвать от растлевающего влияния остальной части мира.

– Вы обучаете детишек боевому самбо и делаете упор на православие, а я даю армейский курс «рукопашки» и обучаю основам выживания. Соревнования каждые две недели.

– Не слишком ли часто?

– Зато Бачина команда на этом фоне ступается. Просто забудут про нее.

Отец Василий вздыхал, крыть было нечем.

– Я пробиваю в воинской части камуфляжку и тельники, – записывал дальше Бугров. – А вы наезжаете на мэра – пусть финансирует для наших поездку на Урал. Организуем спуск на плотках. Там, конечно, команды придется временно объединить, но это не страшно; вернемся, снова разделим...

Священник почти беспрерывно кивал и думал. На бумаге Виктор Сергеевич выстроил все почти идеально. И займись они этим пару месяцев назад, Бача так и остался бы где-то на задворках местной истории. Но Бача уже достиг определенного статуса, можно даже сказать, авторитета, и отец Василий вовсе не был так уж уверен, что его удастся сколько-нибудь основательно подвинуть. Впрочем, и выбора у них не было.

* * *

Они проспорили до двух часов ночи, и, что касается тактики, вопросов не возникало. Оба понимали ценность тех или иных действий и ходов. Но вот насчет стратегии их мнения расходились весьма основательно. Потому что, насколько отец Василий желал пацанам мирного сосуществования со всем окружением, внутренней целостности и, как бы поточнее это выразить, «православности», что ли, настолько Виктор Сергеевич мечтал вырастить из них настоящих бойцов: и телом, и духом. Способных сражаться и в Чечне, и в Финляндии; неважно, с «морскими котиками» или «братьями мусульманами»; хоть в парках Вашингтона, хоть на улицах Москвы.

Оба принимали тот исторический факт, что православие и патриотизм неотделимы друг от друга, как нож от ножен или, как говорил в таких случаях желчный главврач Костя, как хомут от шеи. Но, будучи людьми неглупыми и достаточно дальновидными, и Бугров, и священник прекрасно понимали: то, что будет поставлено во главу угла, и предопределяет конкретный характер каждой дальнейшей акции.

И лишь проговорив каждый пункт по третьему разу, оба признали: многое в их планах сыро, непродуманно, и надо встретиться еще, и возможно, не раз, чтобы согласовать свои конечные цели и понять, на чем все-таки можно столкнуться. Потому что, если они не столкнутся, все обернется еще хуже.

Мужики вышли на улицу и неспешно побрели вдоль по ведущей мимо районной больницы тенистой аллее.

«А похоже, так оно и будет, если мы не договоримся, – думал отец Василий. – Мы создадим две группировки с разной идеологией, а потом и сами забудем, что все начиналось любовно...» Ему это отчаянно не нравилось, но что противопоставить такому исходу, он не ведал. Конечно же, это лучше, чем отдавать пацанов в нечистые Бачины руки, но весь жизненный опыт священника отчаянно кричал: монстра можно породить и с самыми лучшими намерениями. Просто однажды этот монстр вырастет и поглотит своих родителей, какие бы блистательные планы ни строились.

– Ну, вот и все, – остановился Бугров. – Дальше я сам. Вам ведь через Татарскую слободу? Отец Василий кивнул. И тогда они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны: отец Василий направился к себе домой, а Виктор Сергеевич – к себе.

* * *

Священник отошел совсем недалеко, когда вспомнил то, что забыл сказать. Точно! Этот, как его, Хохлов! Он видел это мгновение сомнения в глазах пацана, перед тем как Бугров приказал ребятам возвращаться в команду. Но лишь только Бугров приказал, сомнения закончились, и парнишка твердо решил не подчиняться. Это был самый главный, самый яркий аргумент против силового подхода, который исповедовал Виктор Сергеевич. И если Бугров поймет, о чем речь, они смогут договориться по-настоящему!

Отец Василий резко развернулся и почти бегом помчался догонять Бугрова. Он должен понять!

Впереди, в нешироком просвете между огромными тополями, замаячила темная фигура Виктора Сергеевича. Еще чуть-чуть...

Внезапно возле Бугрова выросли две плечистые фигуры, и Виктор Сергеевич стремительно отлетел в сторону и принял боевую стойку.

«А это еще кто?» – удивился священник и прибавил ходу.

В руках нападавших мелькнули темные продолговатые предметы, похожие на обрезки труб. Бугров отбил одну атаку, вторую, но из темноты вывалились еще двое, и священник понял, что дело плохо: могут задавить числом. Он ворвался в «зону боевых действий» и мягко, стараясь не переусердствовать, провел захват и уложил одного из нападавших на землю. И уже по тому, как тот падал, – грамотно, на бок, понял: ребята тренированные.

– Ид-ди сюда! – опустил кого-то Бугров лбом в землю, и в следующий миг отец Василий понял, что падает и сам. Он отвлекся на Виктора Сергеевича всего лишь на десятые доли секунды, но этого хватило, чтобы пропустить удар.

Отец Василий перекатился через голову, ухватил готовую разможжить ему лицо ногу, крутанул и, не провожая упавшего взглядом, вскочил на ноги. Отбил удар в голову, еще один – по плечу, еще один – ботинком в пах; угостил кого-то сам – от души, во всю мощь... И в этот момент прозвучал выстрел.

Бугров матюгнулся и провел мощную контратаку. Давно священник не видел, чтобы кто-нибудь так жестко «работал»! Наверное, с самой службы в спецназе...

Виктор Сергеевич с хрустом вывернул одному руку в плечевом суставе, мощно, с жутким причмоком насадил второго носом на свой крепкий офицерский лоб, и тогда из темноты прозвучал еще один выстрел. Бугров еще раз матюгнулся и рванул назад, в сторону храма – подставляться под пули было глупо.

Отец Василий плавно протащил «своего» лицом по асфальту, бросил и кинулся вслед за Бугровым.

– Сюда, Виктор! – крикнул он и, дернув капитана за рукав, затащил его в подворотню и поволок за собой.

Они промчались по хрустящей битым стеклом и пластиковой тарой помойке, нырнули в огромную дыру в сетчатом, из проволоки, заборе, миновали надрывно лающего пса, скользнули меж двух слепленных из ржавого металла гаражей, и только здесь отец Василий остановился.

– Хорош! – выдохнул он. – Перекур!

Они стояли, вразнобой хватая ртами воздух, и никак не могли надышаться.

Это было какое-то наваждение, именно на этой ведущей к райбольнице аллее на отца Василия или на его спутников нападали раз пять или шесть – с разным успехом. То ли агрессо-

ров провоцировала темнота, то ли обилие мелких, вплотную примыкающих к аллее проулков – неясно. И вот теперь дошла очередь и до Виктора Сергеевича.

– Это Бача! – шумно сглотнул Бугров. – Больше некому!

– Чем докажешь? – задыхаясь, резонно возразил священник.

– А я и доказывать ничего не буду! Соберу своих орлов да заявлюсь прямо к нему! Пусть он мне доказывает!

Священник покачал головой. Он знал, что это не выход, но убедить в этом привыкшего к позиции силы Бугрова было непросто. Он реально мог претворить свою угрозу в жизнь.

Конечно, Виктор Сергеевич прав, кроме Бачи нападать на них некому. Но отец Василий чувствовал, что Бача отвергнется. Заставить его расколоться? Это вряд ли; по крайней мере, бугровским орлам точно не под силу. И даже если подключить ментов, никаких свидетелей не будет, а участников, естественно, не найдут. Не говоря уже о том, что у самого Бачи будет железобетонное алиби.

Было и еще кое-что. Священник не понимал мотивов нападения: об их с Бугровым беседе знали только они двое. Но даже эта похожая на заговор беседа еще не повод для таких «разборок». Даже мелкий конфликт на пляже вряд ли может подтолкнуть человека к заказному нападению. Если он, конечно, не полный псих.

«А если псих? Надо еще раз спросить у Кости, с чем там лежал Бачурин. Неужели не скажет? Дело-то нешуточное...» У священника промелькнула какая-то смутная мысль.

– Вы как хотите, а я пошел своих собирать, – решительно сплюнул отдышавшийся от бега и полный желаний поквитаться за свой позор Бугров. – Я ему этого так не оставлю.

– Что, прямо сейчас?! – ужаснулся священник.

– А когда еще? После второго пришествия? – Бугров и впрямь был полон жажды мщения.

– Не надо, Виктор, – покачал головой отец Василий. – Не втягивай в это дело пацанов.

– А что, мне одному?.. – начал отставной капитан и вдруг демонически расхохотался. – Да я и один с ним управлюсь! Тоже мне, крепкий орешек!

Уже привыкший к темноте священник взгляделся в горящие глаза Виктора Сергеевича и понял: с него станется – поедет. Бугров был уже в состоянии полного озверения и накручивал себя все больше.

Отец Василий сделал пару попыток перевести разговор в более конструктивное русло, но капитана как заклинило. Он не собирался отступать. И тогда священник смирился и пошел обходным путем.

– Хорошо, Виктор Сергеевич, ваша взяла, – вздохнул он. – Но только, чур, поедем вместе. А то вы там наделаете делов, а мне потом стыдно будет, что меня рядом не было...

– Какие проблемы?! – молодежато хмыкнул капитан. – Вместе так вместе. Посмотришь, как я его «сделаю»!

Священник кивнул и подумал, что нападение, похоже, разбудило в нем уснувшую было обиду за не слишком удачные «разборки» на «Зарнице». Они стремительно прошли в церковный двор, и отец Василий с трудом завел своего битого-перебитого «жигуля», сел за руль и только тут понял, что понятия не имеет, куда ехать.

– Давай на Вишенки, – назвал Бугров один из самых элитных районов города. – Там недалеко его коттедж.

Священник кивнул и тронул машину. Он выехал на Московскую, и только тогда до него дошло, что, если они появятся у Бачи вдвоем, тщательно продуманная легенда о отдельных и якобы конкурирующих одна с другой группировках просто не состоится. Но, вместо того чтобы расстроиться, он вдруг почувствовал необычайное облегчение: он принял этот план без особого желания, а теперь хоть врать не придется.

* * *

Стоящий на самом отшибе микрорайона Вишенки коттедж был полон огней и шума. «Так... без мордобоя не обойдется...» – крикнул священник, впервые пожалев, что остановил Виктора Сергеевича и не позволил ему собрать своих «орлов».

– Давай, Хохол! Вот молодца! – хохотали за высокой витой оградой парни. – Во дает!!!

Виктор Сергеевич прокашлялся, потерю каждого своего юного «бойца» он переживал очень тяжело.

– Ну что, пошли? – повернулся к нему священник и увидел, как судорожно сжимаются и разжимаются набитые на многочасовых тренировках кулаки главного городского патриота.

Отставной капитан издал странный звук, почти вслепую выбрался из машины и на негнущихся ногах, словно зомби из хренового импортного видеофильма, побрел на путеводные крики. Он был вне себя.

– Витя, подожди меня! – кинулся закрывать дверцы своей пусть и битой, но пока еще хотя бы никем не краденной машины отец Василий. – Витя, не торопись! Ну куда тебя, блин, понесло?!

Он закрыл наконец водительскую дверцу и кинулся вслед. Бугров уже подходил к калитке.

– Куда?! – попытался остановить капитана охраняющий вход бугай, но получил удар в бок и беззвучно повалился на брусчатую дорожку.

Священник побежал. Он перепрыгнул через распростертое у калитки тело охранника, но нагнать Бугрова не успевал, тот уже подходил к импровизированной танцплощадке под огромным навесом.

Отец Василий стремительно окинул взглядом антураж и увидел, что Бача все обустроил «по уму», в строгом соответствии с целевым назначением. Огромная крытая навесом площадка была окаймлена низкими, как в спортзалах, скамейками, и наблюдать за развитием событий в центре можно было с любого места. Что бы там ни происходило: декламация стихов под музыку или дамская борьба по колено в спагетти. Но только сейчас там происходили обычные танцы.

Одетые в легкомысленные распашонки фигуристые девушки с выставленными напоказ пупками энергично двигали бедрами, а меж них сновали все пять или шесть подростков, недавно перекинувшиеся к Баче от Бугрова. Похоже, они и были «героями дня» на этой «концертной площадке». И в самом центре выделял совершенно недвусмысленные и абсолютно нецеломудренные па а-ля Майкл Джексон тот самый Хохлов. «Группа поддержки» из старших товарищей пила пиво из маленьких импортных бутылок и веселилась вовсю.

– Во Хохол дает! – гоготали они. – А ну, покажи ей, что такое настоящий мужчина!

Естественно, Хохол старался изо всех сил.

Бугров ввалился на площадку и встал в самом центре, как статуя Командора: черный от гнева и загара и страшный своей внутренней непоколебимостью.

Музыка резко стихла, видно, кто-то выключил магнитофон, и ребятишки растерянно заморгали. Увидеть своего бывшего тренера здесь они никак не ожидали.

– Где твой тельник, Хохлов? – каменя на глазах, мрачно поинтересовался Виктор Сергеевич. – Тот, что я тебе выдал?

– Снял, – сглотнув, набычился тот.

– Почему?

– Потому что не заслужил, – подал голос кто-то из наблюдателей, и отец Василий сразу опознал раскатистый Бачин баритон. – Рано ему еще тельник носить.

– Пиво хлестать не рано, а тельник рано? – чуть ли не пуская из ноздрей пар, поинтересовался Бугров.

– А вот пусть с мое в десанте послужит, тогда и наденет, – зло отозвался Бача. – С полным правом. Только я что-то не пойму, ты чего сюда приперся? Я тебя не приглашал.

– А я без приглашения, – шутовски согнул спину Бугров. – Праздник решил вам испортить!

– А вот это напрасно, – протянул Бача, и только тогда священник увидел его, вставшего со скамейки – рослого, плотного. Бача недобро усмехнулся и жестко распорядился: – Выкинуть его! В овраг!

Вокруг Бугрова замаячили крепкие, мускулистые фигуры, и отец Василий, перекрестясь, рванул вперед. Но не успел. Бугров мощно отбил первую атаку, буквально за пару секунд уложив на брусчатку пять или шесть противников, но когда священник пробился к нему, Виктора Сергеевича уже сбили с ног, затем подхватили на руки и бегом потащили к воротам.

– Что вы делаете?! Остановитесь! – крикнул отец Василий. – Что вы...

Бугрова протащили мимо него сквозь неширокую калитку и, по треску сухого камыша было слышно, швырнули в бегущий к Волге овраг.

– Напрасно ты так, – покачав головой, повернулся к Баче священник. – Он, между прочим, Родину защищал...

– Я тоже... – сглотнул Бача. – Всю Чечню на «коробочке» прошел. А он меня за пацана держит.

Отец Василий хотел возразить, сказать, что «зачищать» российскую землю от российских же граждан и драться с афганскими духами на чужой земле не одно и то же, но заткнулся. Потому что еще неизвестно, что тяжелее.

В этот миг он остро пожалел, что вообще приперся сюда. Его более всего не устраивали языческие Бачины замашки, но он понимал, что ни в грязных разборках, ни даже в честном кулачном бою эту битву не выиграть – другая весовая категория у идейных сражений.

– Проводите батюшку, – усмехнулся Бача, и попа сразу же взяли под локотки.

Сказать в точности, что произошло в следующий миг, отец Василий не смог бы. Может быть, ему показалось, что кто-то подпихнул его к воротам чересчур бесцеремонно, а может быть, просто сказались его вколоченные до мозга костей боевые навыки, но только ни к какой калитке он не пошел.

Первых двух он отшвырнул к застонавшему от удара железному забору; третьего, садистски вывернув ему руку, бросил к Бачиным ногам, а дальше пошло-поехало, да так, что он не все и упомянул. Одно он зафиксировал абсолютно точно: когда прибежал выползший из оврага перепачканный илом Бугров, стало вдвое легче. И они рубились и рубились так, словно от этого зависела их жизнь, а не дальнейшая судьба нескольких подростков. И только когда протрезвевший Бача понял, что дело принимает хреновый оборот и вместе эти гаврики могут слишком многое, и уж точно не сдадутся, он подал команду к отступлению.

– Хорош! Хватит с них! Хорош, я сказал!

Крепкие парни, как напившиеся крови клещи, помаленьку поотваливались, и дышать сразу стало легче.

– Они свое получили... – самодовольным тоном произнес Бача. – Пусть идут.

При таком раскладе сил ход был почти беспроегрышным. Но именно «почти». Бача не понял, с кем имеет дело. Поп и Бугров устало переглянулись, и священник невольно улыбнулся.

– Ну у тебя и видок, Виктор Сергеевич, – хрипло произнес он.

– На себя посмотри, – в тон ему отозвался Бугров и повернулся к Баче. – Я что-то не понял, что ты там пукнул? Повтори-ка еще раз, кто и что получил?

– А что, вам еще хочется? – спросил Бача, и священник отчетливо расслышал в его голосе тончайшие, почти незаметные для постороннего слуха нотки недовольства поворотом событий. Нет, это не был страх или паника, и сила по-прежнему оставалась на его стороне. Но дело поворачивалось не тем боком, потому что даже если прямо сейчас замесить этих двух придур-

ков, это не даст ничего. Ни чувства морального превосходства, ни ощущения дальнейшей безопасности. И все потому, что они не сдались, да, кажется, и не сдадутся.

– Я вас отпускаю, – хмыкнул Бача. – А то еще ментам стуканете...

– Это когда я ментам стучал? – даже растерялся от такой наглости Бугров.

– Ладно, – отмахнулся Бача. – Пацанам будешь лапшу на уши вешать. Что я, не знаю, как тогда на разборки в овраг вся милиция примчалась?

Дело было давнее, и если быть совсем уж точным, то милицию в овраг вызвал священник. Иначе все повернулось бы совсем плохо. Но история с этими разборками приобрела в городке довольно широкую известность, и некоторая причастность Бугрова к силовым структурам в ней все-таки прослеживалась.

Виктор Сергеевич поперхнулся.

– Да я тебя... – двинулся он на Бачу, но священник ухватил его за рукав и властно остановил.

– Это я тогда ментов вызвал, – признался он. – Иначе без трупов просто не обошлось бы. Так что ты, Бача, прежде чем помелом своим махать, сначала факты узнай. А то круто попасть можешь.

Теперь настала очередь поперхнуться Баче. Только что отвоеванный перед лицом свежеприобретенных «бойцов» авторитет затрещал по швам. В Усть-Кудеяре за языком было принято следить.

– Пошли, Витя, – дернул Бугрова за рукав священник и почти силой выволок его за ворота, чувствуя, что это была прекрасная финальная нота для хорошего конца.

* * *

Они прошли к машине, забрались внутрь и, подавленно уставясь на ярко освещенный Бачин коттедж, молчали. Они и думать забыли спросить о тех, кто напал на Бугрова этим вечером; начисто вылетели из головы и все столь тщательно составлявшиеся планы; они забыли обо всем.

– Что делать-то будем? – первым нарушил тишину Бугров.

Священник задумался. Там, глубоко в памяти, словно острая заноза, сидело что-то важное, что-то связанное то ли с больницей, то ли с травмами... И тут он вспомнил!

– Слышь, Витек, – повернулся отец Василий к Бугрову. – Когда мы с этими придурками в аллее махались...

– Ну... – недовольно буркнул тот. – И что?

– Я слышал, там кости трещали...

– Было, – самодовольно хмыкнул Бугров.

– Тогда все в порядке. Завтра же и узнаем, кто это был, – уверенно заявил отец Василий.

– Как это? – удивился Бугров, мигом вспомнивший, зачем они сегодня приперлись к Баче.

– К Константину Ивановичу подойдем и все узнаем.

– Это главврач наш, что ли? – задумался Бугров. – А что, это идея... Да и второму я нехило заехал – без травмпункта не обойтись.

– Вот и ладненько, – удовлетворенно улыбнулся отец Василий. – Значит, договорились: утром, то есть после службы, идем и все узнаем. Ты, главное, до утра глупостей не наделай...

Священник даже не заметил, как перешел с Бугровым на «ты».

– Заметано, батюшка, – охотно кивнул Бугров и вдруг сокрушенно покачал головой. – И где ты раньше был? Час назад сказал бы, и можно было к Баче не ехать.

«Ага, как же! – мысленно хмыкнул священник. – Тебя удержишь!» Но промолчал.

* * *

Когда отец Василий вернулся домой, попадья уже спала. Он осторожно, стараясь не шуметь, разделся, по возможности тихо принял душ и нырнул под простыню. Но уснуть не удавалось.

Будь сейчас зима, он прижался бы к теплему Олюшкиному телу, начал бы шептать ей всякие милые глупости... и через каких-нибудь четверть часа, расслабленный и до идиотского, полублаженного состояния удовлетворенный жизнью, заснул. Но сейчас не помогал даже кондиционер, жаром дышало все: он сам, Ольга, кровать, воздух вокруг, буквально все.

«В принципе все прошло не так уж плохо, – думал священник. – С Бугровым отношения наладились, а это немаловажно. Бачу я в домашней, так сказать, обстановке посмотрел. Крутой, конечно, парень, но и он в руках божьих – характер-то есть, а нормального знания жизни не хватает. А значит, будет мне проигрывать. Шаг за шагом. Как миленький, будет. Никуда не денется».

Он был очень доволен тем, как ушел: вовремя и с оставленным за собой последним и очень веским словом. Лучшего ухода и придумать было невозможно.

Он уснул, и всю ночь ему снилось, как он пробирается с Костей по тальниковым зарослям к какому-то особенному рыбному месту, но тальник все не кончается и не кончается, а открытой воды все нет и нет...

* * *

На следующий день, сразу после службы, отец Василий отправился в районную больницу и дождался, когда Костя освободится. Но его ожидания не оправдались – ни один из травм-пунктов города никого с переломами не принимал.

– Меня этим Бугров уже с восьми часов донимает, – усмехнулся главврач. – Я, говорит, абсолютно точно одному плечевой сустав наизнанку вывернул... Мы с ним даже в область позвонили – полная тишина: ни вывихов, ни переломов.

– И с травмами лица никого? – со стремительно угасающей надеждой спросил священник.

– Есть один, – охотно ответил врач, и отец Василий превратился в слух. – Мальчик одиннадцати лет, вчера поступил.

Священник снова пригорюнился. Он собрался было уходить и вдруг вспомнил старый разговор.

– Кость, а от чего, ты говорил, Бача у тебя лечился?

– А разве я что-то говорил? – язвительно усмехнулся главврач и дружелюбно похлопал батюшку по плечу. – Расслабься, Мишаня, ничего этот Бачурин твоей пастве не сделает. Ну, подумаешь, пошалили ребятишки...

– Ах, если бы, – вздохнул священник. Он чувствовал исходящую от Бачи внутреннюю силу. Да, он неопытен, да, зелен, но сила была. И не считаться с этим отец Василий не мог.

* * *

Отец Василий вышел на улицу и только теперь вспомнил, что есть еще одно место, где пострадавший от бугровских боевых навыков человек мог оказаться минувшей ночью – ментовка. Он быстро прошел к зданию РОВД, поздоровался с дежурным и направился прямо к

начальнику. Секретарша препятствовать ему не стала, и священник воспринял это как добрый знак.

– Бог в помощь, Аркадий Николаевич, – с порога поздоровался он. – У меня к тебе вопрос имеется...

– Это вы правильно, батюшка, сделали, что пришли, – поднялся ему навстречу Скобцов, но руки не подал. – Хоть оперов от дела отрывать не придется. Показания сразу дадите или как?

«Вот молодцы! – обрадовался отец Василий. – Неужто уже приперли этих недоумков к стенке?!» Он так и знал, что раненому человеку, кроме как в больнице да милиции, нигде не скрывается.

– Конечно, сразу! – облегченно вздохнул он от предчувствия, что наконец-то все пойдет правильно.

– Это здорово, – улыбнулся оценивший его готовность сотрудничать с органами следствия начальник РОВД. – А то гражданин Сусликов нам тут целую лекцию о правах человека прочел, вконец моих оперов задолбал!

– А при чем здесь Сусликов? – оторопел священник. – Он-то на меня не нападал... Голову на отсечение даю.

– Зато вы ему всю мастерскую расколошматили, – усмехнулся Скобцов. – Я, конечно, его творения искусством не считаю, но я ведь и не спец, это пусть эксперты разбираются в размерах нанесенного ущерба...

– Не понял... – сглотнул священник и почувствовал себя нехорошо.

– А что тут непонятного? – широко улыбнулся главный городской мент. – Сусликов оценил свои потери в сто пятьдесят тысяч долларов; это, разумеется, включая упущенную прибыль – сорванные сделки, компенсация неустойки заказчикам...

– Чего?! Сколько?! – не мог поверить священник.

– Сто пятьдесят тысяч «зеленых», – зацокал языком Скобцов. – И, кстати, имейте в виду, адвокат у него хороший, специально из области приехал...

«А Бача ведь мне обещал, что ответить за разгром придется! – вспомнил отец Василий. – И чего теперь делать?»

Он совершенно растерялся. Ему и в страшном сне не могло привидеться, что заштатный районный скульптор, не умеющий даже сделать толковой вывески на магазин, а потому вечно строящий из себя непонятого гения, оценит свою лепню в такую сумму!

Не чуя под собой ног, он сходил вместе со Скобцовым вниз, на второй этаж, к сыскарям, не до конца въезжая в то, что делает, дал показания, подписал протокол и в совершенно убитом настроении побрел в храм. «Мне еще суда не хватало, – качал священник головой. – До патриархии точно дойдет! И ведь не объяснишь никому, что у меня было моральное право устроить выволочку этому горе-художнику!»

* * *

Только шагнув за порог храмовой бухгалтерии, священник понял, что ему следует сделать: наступать. Потому что дойди дело до суда, да еще с нанятым Бачей адвокатом, еще неизвестно, как все повернется. Это надо было пресекать заранее, в корне. Он вытащил из верхнего ящика стола телефонный справочник обладминистрации. Быстро отыскал номер комитета по делам молодежи и вскоре уже говорил с председателем.

Понятно, что отец Василий ни словом не упомянул ни об учиненном им погроме, ни о вчерашней схватке с Бачиными парнями на территории частного коттеджа. А сделал максимальный акцент на самой сути происходящего.

– Поймите меня, правильно, Кирилл Сергеевич, дело слишком далеко зашло! – орал он в трубку. – Уже трое ребят отравились неизвестным наркотиком, а тут еще эти идолы...

– А при чем здесь Бачурин? – удивился председатель. – Он что, наркотики им поставлял?

– Я не знаю, откуда у них эта дрянь, – был вынужден признать священник.

– А в чем вы его тогда обвиняете?

– Да как вы не поймете?! – возмутился расстроенный невозможностью объяснить все отец Василий. – Они же идолопоклонством занимаются! А от него до сатанизма один шаг!

– Ну, я прямо не знаю, что вам и сказать, – засомневался председатель молодежного комитета. – Идолопоклонство – это, конечно, плохо, но не запрещено. И вообще, организация, которую зарегистрировал у нас Бачурин, краеведческая; идола вполне могли быть использованы как наглядное пособие по истории родного края...

Он определенно защищал Бачурина.

– А вы знаете, что они у нас тут женский бокс устроили?! – не вытерпел священник.

– Что, правда?! – хохотнул председатель. – Надо же! А мне он ничего об этом не сказал! Интересно было бы посмотреть... Священник сделал еще несколько попыток убедить Кирилла Сергеевича как-то приструнить Бачу, проверку, например, сделать, пригрозить, в конце концов, но вскоре осознал, что все это бессмысленно. Заведующий губернским выношением молодеющийся администратор ни в какую не хотел портить отношений с Бачуриным, это было видно невооруженным глазом.

Он четко и недвусмысленно разъяснил, что отравлениями у нас занимается облздрав, наркотиками – менты, а женский бокс и принесение в жертву деревянным изображениям Перуна и Сварога домашних животных специально никто не запрещал, отчего эти занятия в глазах закона выглядят вполне легитимно.

Более того, с точки зрения этого бюрократа, все, чем занимается господин Бачурин, нужно и полезно нашему обществу. Ибо, изучая историю отечества, молодежь на практике приобщается к мощным и поистине великим корням нашего народа. И неважно, бьются ли ребята на деревянных мечах, разучивают обрядовые песни древних славян или даже имитируют жертвоприношения мифологическим божествам. Все это есть процесс познания прошлого, глубоко духовный по своей сути и совершенно не предосудительный.

– А как же православие?! – чуть не заплакал отец Василий. – Разве не вера и разве не новый завет господи нашего Иисуса Христа есть истинный свет миру?! Разве не сказал нам Иисус...

Но Кирилл Сергеевич слушал вполуха и совершенно не был настроен паниковать только из-за того, что в одном из дворов райцентра принесли в жертву какую-нибудь курицу или даже кролика. Он вообще не принимал и не разделял тревоги отца Василия. Ну, резвятся ребята, так и хрен с ними, пусть резвятся, сейчас время такое, не запретишь. В общем, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы денег у облминистрации не просило...

Священник швырнул трубку и обхватил кудлатую голову крепкими, но, увы, бесполезными в этой ситуации руками. Он не видел достойного выхода. А судя по тому, что и Бугров не звонил, и он не имел никаких предложений.

И тогда отец Василий сходил за диаконом Алексием, поручил ему храм и побрел по пыльной, раскаленной, словно адская сковородка, улице в районную больницу, к Косте. Это было необъяснимо, но общение с циничным, атеистически настроенным главврачом всегда придавало ему сил.

* * *

Костю он нашел сидящим в своем кабинете и задумчиво листающим бухгалтерский баланс. Главврач оторвал глаза от огромных распечаток, бросил беглый взгляд на священника и поправил очки.

– Неважно выглядишь, Мишаня, – констатировал он.

– Сам знаю. – Отец Василий упал в глубокое кресло. – Жара на улице невыносимая. Даже в храме ни одного прихожанина.

– Это не жара виновата, – покачал головой Костя. – Это твоя упертость поповская виновата. Что, никак успокоиться не можешь?

– Не могу, Костя, – признался священник. – Ума не приложу, что делать с этим Бачуриным. Вот думал, может быть, ты что-нибудь предложишь...

Костя снял и протер очки, снова нацепил их на нос и кивнул:

– Есть у меня одна идея.

Священник превратился в слух.

– Короче, Мишаня. – Главврач кинул в сторону баланс и поднялся из-за стола. – Сейчас мы с тобой делаем вот что: берем пузырек чистейшего медицинского, заезжаем на базар за зеленью и ко мне. Посидим, поокаем.

– Ты что, офигел, пить в такую жару? – удивленно откликнулся из кресла отец Василий. – Башка и так плавится.

– Ничего ты не понимаешь, Мишаня, – строго посмотрел на него Костя. – Что такое метаболизм, знаешь?

Отец Василий не знал.

– А жаль. Потому что сие есть главное медицинское понятие. И гласит оно, что для успешного противодействия нагреву снаружи следует осуществить аналогичный подогрев изнутри. Температура выровняется, и башка твоя перестанет плавиться, а будет легкой и просветленной.

Священник невольно улыбнулся. Это Костино умение решать все философские и житейские проблемы исключительно употреблением алкоголя было столь же алогичным, сколь и действенным.

– Давай, батюшка, подымайся! – решительно протянул ему руку главврач. – Нечего из себя раненого лебедя строить!

Отец Василий хотел что-то возразить, но понял, что и сам себе напоминает черного, упитанного лебедя, рассмеялся и рывком поднялся из кресла. Спирт так спирт.

* * *

Они завернули в газету объемистый пузырек из коричневого стекла с означенной жидкостью внутри; затем главврач позвонил в гараж, и через четверть часа оба уже ехали в направлении Костиного дома.

Улицы как вымерли, и только на самом подъезде к Шанхаю, где и жил Костя, они заметили первые признаки жизни. Обливаясь потом, стоял под огромным тополем местный гаишник с тоскливой надеждой в глазах заработать сегодня хоть что-нибудь. Промчалась мимо стайка загорелых голопузых пацанят пофигистского дошкольного возраста. Шла, погоняя длинной хворостиной пятнистую корову, тощая старуха во всем белом... И только у шанхайского рынка люди стали появляться чаще: жара не жара, а кушать-то надо.

– Оп-пачки! – встрепенулся главврач. – А зелени-то мы не взяли! – Он повернулся к пожилому усатому водителю. – Давай-ка, Иван Михайлович, сначала на базар.

– Ага, понял, – водитель начал выворачивать руль, и священник сглотнул слюну.

Только спустя год или два после своего возвращения домой отец Василий понял, как правильно поступил Костя, когда поставил свой коттедж в Шанхае, на самом краю широченного, в половину Волги, главного усть-кудеярского оврага. Сваи и специальные строительные меры начисто предохраняли Костин дом от сползания вниз в результате какой-нибудь стихии. А вот удовольствие, которое каждый божий день, должно быть, получал Костя, выходя на веранду

и окидывая взором волнующееся далеко внизу зеленое море молодых березок, было ни с чем не сравнимо.

В прошлый раз, когда они ели на этой самой веранде ароматнейшие, нежнейшие шашлычки, отец Василий чуть ли не таял от восторга и умиления. И, кстати, прохладца, которую несли струящиеся по оврагу воздушные потоки, тоже по летнему времени далеко не последнее дело.

– Здесь останови, – попросил Костя, и отец Василий вынырнул в реальность.

Небольшой шанхайский базарчик был почти пуст. Редкие разморенные жарой покупатели сомнамбулически бродили вдоль прилавков, безуспешно пытаясь вычислить, где что выходит дешевле. И даже продавцы, обычно столь активные, самоуверенные и профессионально дружелюбные, словно разом увяли и утратили половину своих сил и способностей.

Главврач и священник вышли из машины, быстро затарились зеленым лучком, выбрали неплохие помидоры, нашли маленькие, один в один, малосольные огурчики и двинулись было смотреть сальце, как впереди что-то охнуло и на белый пропыленный асфальт посыпались овощи.

Отец Василий инстинктивно притормозил и вгляделся. Прямо на них вдоль прохода, цепляя плоские поддоны с овощами и яростно опрокидывая их, шли двое парней лет пятнадцати на вид.

– Не понял... – удивился вставший рядом Костя. – А что это здесь слободские потеряли? Обкурились, что ли?

Священник оторопел, Татарская слобода была отсюда черт-те где, аж за оврагом. Он присмотрелся, но опознать никого не успел; парни уже вплотную подошли к ним и явно намеревались своротить пожилому шанхайцу прилавок с разложенным на нем прекрасным салом.

– Ну-ка, тормози, паренек! – остановил первого тычком в грудь отец Василий. – Ты чего хулиганишь?

Мальчишка кинул на попа яростный взгляд. Было видно: он и напасть не смеет, и отступить не желает.

– Вот я вашим батькам скажу, – пригрозил второму Костя. – Чтоб ремня не пожалели!

Что-то хрустнуло, и главврач ойкнул и схватился за лицо.

– Ах ты! – выдохнул он и тут же согнулся от второго удара – под дых.

– Ну-ка, иди сюда! – ухватил агрессора за худосочную шею священник. – Ты как со старшими разговариваешь?!

Справа ударили, но отец Василий поставил блок и тут же прихватил за шею и второго озорника. Легонько сжал и, с удовлетворением услышав жалобный скулеж моментально потерявших свою крутизну недорослей, огляделся по сторонам. Милиционера на рынке не было и в помине; видно, за квасом пошел, но зато повсюду на соседних рядах, и справа, и слева, шли и шли яростно скидывающие поддоны с товаром подростки.

Ошарашенные продавцы даже не успевали ничего сделать: ни прибрать товар, ни выскочить из-за прилавка, чтобы отбить нападение – все происходило слишком быстро.

Священник прижал обоих пленников крепче и наклонился к еле разогнувшемуся другу.

– Костя! Ты как?!

– Хреново, бля... – выдохнул Костя. – Очки сукины дети разбила...

Он окончательно разогнулся, и отец Василий крякнул от возмущения: правый глаз главного врача Усть-Кудеярского района был подбит и теперь стремительно оплывал и закрывался.

– Фонарь будет, – озабоченно констатировал священник и встряхнул пленников: – Ну-ка, хлопцы, признавайтесь, что это за беспредел!

Мальчишки яростно сверкнули глазами, но промолчали. – Они точно слободские? – повернулся священник к невинно пострадавшему Косте.

– Точно, – вздохнул тот и ткнул пальцем в ближайшего к нему. – Вот этот, сволоченок, медкомиссию у нас проходил.

Отец Василий озадаченно осмотрелся. Стремительно начавшийся погром так же стремительно и закончился, и теперь повсюду матерились и поднимали свой товар из пыли несчастные продавцы. Но пацанов нигде видно не было – похоже, сразу смылись. Все это было очень странно.

– Вы чего сюда приперлись? – снова обратился отец Василий к пленникам и хорошенько их встряхнул. – Или хотите шанхайских пацанов на их собственной территории зашугать? Чего не поделили?

Парни угрюмо молчали.

– Так, – вздохнул священник и повернулся к уже оклемавшемуся врачу. – Видно, придется мне с ними самому разбираться. Давай-ка, Константин Иванович, к Исмаилу Маратовичу заедем... пока машина под задницей есть.

– Это к мулле, что ли? – прижимая к глазу платок, спросил Костя.

– Ага.

– Давай съездим. Пусть поговорит с ними по-свойски.

Пацаны невольно поежились. Оба, и тот, что слева, русский, и тот, что справа, татарченок, прекрасно понимали, что означает подобная угроза. Местный мулла Исмаил Маратович имел в Татарской слободе колоссальное влияние, и если он выскажет неудовлетворение их родителям... в общем, мало никому не покажется.

Отец Василий прижал обоих к своей широкой груди и почти на весу поволок вперед, к машине. Поначалу пацаны сопротивлялись, но вскоре поняли, что весовые категории у них слишком разнятся с поповскими, и смирились. Костя помог священнику затащить обоих в «рафик» с надписью «Скорая помощь» по борту и хлопнул водителя по плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.